

Н.Ф.Б.

В Изборске ночь

Николай Болдырев

В Изборске ночь

Книга стихов

Утраченные заветы

Дневниковые заметки

MMXIX

УДК 882-1
ББК 84.(Рос-Рус) 6-5
Б79

Болдырев Н.Ф. В Изборске ночь / Книга
стихов и дневниковых заметок. – Челябинск: Изд.
группа «Единорог», 2019

«В Изборске ночь» – восьмая
поэтическая книга автора

© Болдырев Н.Ф., текст, 2019

В Изборске ночь

***

Не может быть, чтоб был один лишь сон.
У сна нет дна, он тает в сонме мыслей,
в которых тонет нежности лицо.
Неведомый во мне струится Дон,
и звездочки во мгле моей повисли.
Я выхожу за край моих отцов.

01.02.2017

***

Ах, чистая ясноголубь.
Пречистая, нас приголубь!
Не снег здесь чист, а рассвет.
Не будет нас, не было, нет.
Вот в чем поворотности шар.
В нас стонет не Бо-,
но По-жар.
Созвучий фонемная статья
нас учит чем можно блистать.
И вслед за безмолвием стен
мы рушим колоссы систем.
Пречистая ясноголубь,
не выступи музыки суть!
Что лижет нас жаром из Бо-,
где избами в небо наш пот
крадется в пустоты литот.

***

Относительно реальный пшеничный луг
возле озера Солёного.
Относительно реальный дятла стук
в абсолютной тишине Бездонного.

***

Когда бы отмечать день Незнания!
Насколько оно мощнее, чем знание.
Приходит из ниоткуда, уходит в никуда.
Живет в каждой былинке.
Дышит в каждой козявке.
Пронизывает нас насквозь.
Хохочет над нами, шалит,
сбивает с ног, окутывает мраком,
сводит с ума сонмом загадок,
укрывает пологом звезд...
И когда мы, истерзанные,
загнанные в угол убожеством знания,
дышим на ладан,
проливается на нас дождем просветления,
и мы входим в него, выключив
все ложные лампочки ума-культуриста.
Незнание впускает нас в себя
словно родная мать заблудшего сына:
«Расслабься, сынок, стопим баньку,
наберешься духа, и станет видно во все концы».

***

Мне не довелось жить в Дуинском замке,
еще менее – в Мюзотском.
Да и в замке Берг я не сидел у камина.
Вероятно, я не был Райнером Мария Рильке,
хотя и написал о нем тихую то ли книгу,
то ли сонату.
Я родился в бараке.
Я дитя Севера.
Я не родился в Праге или в Париже.
Я знаю, что такое мороз под шестьдесят.
Мне знакомо наслаждение косить высокую траву,
запрягать коня в сани
и мчаться по снежной равнине,
ощущая удивительный запах супони
и звездные покальванья щек.
Мне знакомо чувство, что во мне
эон говорит с эоном,
сколько бы глупцов ни потешались над этим.

***

Есть ли кто-то из нас, кто не смертельно болен?
Мы пробираемся внутри меж тайных штолен,
в любой момент мы можем мину зацепить.
Порой хочу безумно воздух пить,
а мировой простор тихонечко уходит
из тихих и таких прекрасных жил.
Ты, кажется, здесь как в избушке жил,
соседом был медведь и кто-то еще вроде.
Какая разница, как скоро смерть войдет,
она сама – твой двор и огород,
ведь по стенам *ее* висят картинки,
её звезда летит и нежные снежинки.
И кто-то вечную слезу смахнет рукой.

Смертельно болен мир по истине тоской.

2.09.2017

***

Куда мы уходим, куда?
Кудыкина кличет вода.
Богиня воды голосит.
Бог неба неслышно басит.
Озерные боги тихи.
Бог зарослей пишет стихи.
Как нежен пшеничный наш бог.
Безумно таинствен в нем слог.
Я весь растворяюсь в богах.
Бог воздуха нежен в руках.
Мой разум прибрежьем промок.
Бог держит бессонно мой прах:
истаявший мир на устах.

31.10.2017

***

Какое благо – заблуждаться,
вопросы задавать спросонок,
не знать простейшего, с пеленок
в себя всё глубже погружаться.

Мир всё далече и далече.
Как далеко бегут все люди!
Я здесь один, я в звездном гуде.
Я – с кочергой у солнца печи.

Я с домовым шепчусь тихонько,
потом с рекой играюсь в полночь.
Мне кто-то утром снова в помощь,
приоткрывает свет легонько.

Со мною только неба крыша
да поля тихая работа.
Мне кажется, я жду кого-то
и становлюсь всё тише-тише.

***

Деревушка, в которой я живу,
так прекрасна своей убогостью,
что об этом никто не знает кроме меня.
Никто не стремится здесь побывать,
и потому здесь так чисто, так вольно.
Ласточки живут у меня во дворе.
А по тропинкам хожу босиком
до самого горизонта.
За весь день если встречу кого,
то он кланяется мне, словно я князь.
Вспоминаю иногда толпы варваров,
заполонивших столицы.
Вот бы где точно не хотел умереть.

2.09.2017

***

Ни слова в простоте.
Я не хочу гоняться за их ритмом.
Как далеко они уже за горизонтом!
И слава богу, шуму меньше.
Все вопли их и состязания друг с другом.
Какое счастье: просто так идти за плугом.
И птичек видеть, вслед за лемехом летящих.
Всю жизни простоту принять
в ее величественной муке,
в бесстрашии ее простых вещей,
бездонно нежных как прикосновение к глади вод.
Оставь же впереди бессовестно-речистых.
Как хорошо отстать от всех этих бегущих
и орущих орд.
Пчела летит, но не спешит в свой сот.
О, сколько в тишине богов священно-чистых.
Но главное – молчать о них, а не болтать.
Пусть это тайною останется меж нами.
В тебе восстанет пусть невидимая стать
и восстановит путь – прощания мостами.

ИГРАЯ НА ЦИТРЕ

Пытаясь жить умом,
вы становитесь просто ослом.
Живите всем, что в вас есть,
тогда не коснется вас лезть.
Живите сердцем, живите кишками,
и корешками, и вершками,
и русской печкою живите,
и день и ночь ее топите.
Ласкайте поле кожей ног,
входите нежностью в восток,
а с западом страдайте вместе.
К вам ночью явятся известья
и что-то сдвинут тихо в вас.
И утром в вас войдет экстаз.
И в вас откроется вдруг зреньё
и испарит мировоззреньё.
Войдет вниманье в вас такое,
что солнце новое откроет.
Оно роднее станет сада,
вы позабудете цвет ада
и в старой красоте одежд
возглавите меандр надежд.
Синица станет вам подругой,
когда придут известья выюгой.
И ёжик вечером придет
и возле ваших ног уснет.
Он своё сердце вам подарит,
и станете вы как кораблик.
Доверьтесь парусу его.
Есть боги ветра, боги вод.
Доверьте им свои молитвы.
Да будут кротки ваши битвы.

7.10.2017

***

К небесам ухожу, к небесам.
Делать нечего здесь – вижу сам.
Надо нам бы печальнее стать
и нежней, чем пичужки, восстать.
Как из гроба восстать насовсем.
Благодарен я каждому, всем,
кто коснулся меня рукавом,
не закрылся ни бранью, ни рвом.
Мир сползает в мерзейшую грязь.
Можно ль, святость чтоб здесь родилась?
Лишь орлы пролетают с насмешкой.
Короли над тщеславною пешкой.
Пусть останутся жить здесь орлы,
чтоб хранить отрешенность горы.

7.10.2017

СУТРА

Вот наконец я понял
что мне здесь нечего делать.
Что день с первого звука
пуст как звон стакана.
Как случайный шум
никчемный и миллион раз повторявшийся,
как повторенье сюжетов
ненужной уже литературы.
Смысла конечно же не было,
но я за чем-то гонялся,
что-то пытался схватить,
что-то жевал и вынюхивал.
Шедевр на стене как иллюзия.
И пенье синицы на веточке.
Я не причастен уже.
Суетно. Я за пределами.
Мне здесь нечего делать.
Вот она нога бескрайняя.
Вот он, звук незамеченный.

***

Нет, не стану уже я никем.
В этих далях и рощах не стинуть.
Горб с души наторевший не скинуть.
Не разрушить темницу систем.
Но и все же меня не поймать.
Мир ручным не сумел меня сделать.
Пел я так, как мне суще хотелось
неизвестность в себе понимать.
О, ошибок бесчисленных число!
Сколь вина многолюдно напевна.
Многотрудна судьба, многозевна.
Сколь мало моё в море весло!
Только это меня и спасло.

7.10.2017

***

Что истина? Танцующий Господь.
Всё свято, даже мочеиспусканье.
Что в танце Кришны – дух кипит иль плоть?
Но разве он алкал? Его алканье

само в него входило как в поток
и низвергалось как фонтан Самсона.
Так мысль курится между бурных строк,
самодостаточней тишайшего планктона.

Здесь танец мы свершаем просто так.
Как нам светло в тишайшем жизни зале.
Танцуют строчки, лес танцует в такт.
О, если б танцем мы еще спасали!

О, если б танцевальные миры
перетекали сами в нас тихонько,
и мы б конца не знали той поры,
где звезды в нас толкаются легонько.

16.08.2016

***

Здравствуй, просветленная собака!
Взгляд твой ласков и божественна атака.
Непривязанна ко мне и все ж блаженно
сердце раскрываешь постепенно.
Подем мчишься, словно ты летуча.
Благородна, как счастливый случай.
Ничего тебе не надо кроме этой
пролитой любви вне всех обетов.
Легкого к тебе прикосновенья
мне достаточно для мета-наслажденья.
Лба коснулась не рука моя, а небо.
Ты мудрей, чем просто ждущий хлеба.
Между полем и тобою дышит Дева.

***

Когда я закрываю свое внешнее делание,
я открываю свое внутреннее делание.
В кошмаре этой, если завязалась, битвы
истаивают мощности молитвы.
Но если перешел всецело,
свободен ты для дела и не-дела.
Увидев тело в духа саркофаге,
что чувствуешь? чьих ароматов саги?

НЕ В СОН МЫ ВХОДИМ, ВХОДИТ В НАС НЕ-СОН

Молчъ нас пугает, тишина влечет.
Ты уже сдал, как видно, свой зачёт.
И вот перед экзаменом дрожишь.
Ты наблюдаешь опаданье крыш
как опаданье листьев и замков,
так ищет дух невидимый альков,
так ищет тело новый саркофаг,
который будет более чем факт
археологии; найдут там только миг,
когда ты понял суть миллионов бывших книг
и отрешился наконец, неуязвлён,
войдя в пространство без руин и без имён.

6.11.2017

***

Как сеятель на полотне Милле,
господь разбрасывает зёрна в Поле.
Не всё взойдет, но счастлив, кто взошел.
Он даст тот плод (о нет: сам станет плодом!),
что в новом Поле, для кого-то неземном,
господь посеет для нирваны жатвы.

Когда ты не взошёл, пусты все клятвы.
И слово Ом всего лишь слово Ом.

***

О да, мы можем только то, что можем.
Вангогно отдаваться пачкотне,
в метафоры вникать как в складки ножен,
искать рельеф на затонувшем дне.

С утра до ночи и от ночи к утру
нам не достигнуть ничего без этих мук,
без этой страсти спеть всего лишь сутру,
всего единый натянувши лук.

Безумны хокусаи и сезанны.
Безумно поле, преданное нам.
Дожди в своей работе неустанны.
Однообразен даже ураган.

И все же пониманье к нам приходит
по капле, если ты не отступил,
по этой по смиреннейшей погоде
с последним выдохом последних сил.

То бог смиренным дарит шепот тайный
и закрывает хитрым горизонт?
Не может быть такой расклад случайным.
Пчеле дается знанье смысла сот.

Кто хочет всё объять – обрушивает стропы.
Мудрейший не выходит со двора.
Прекрасна бедность ожиданья Пенелопы.
Прекрасна хрупкость донной лодки Ра.

***

Далью я стану для опосля.
Дайте-ка гляну!
Вывернут угол дома – в поля,
лягу в поляну!
О, как ты смотришь, словно ты бес.
Голову – взмахом.
Рядом отец твой – божий наш лес
трепетом-страхом.
О, тут ходили люди не те, люди не эти.
Вымер тот город, ты – в пустоте,
нет нас на свете.
Только на этом нас нет, но на том
мы объявились.
Вон мы сидим под калины кустом,
ливнем укрылись.
Даль – только в нас, только в нас и нигде,
божьи мы твари.
В люльке плывем мы словно в ладье
в дальние дали.

23.07.2017

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

АНДРЕЮ ТАВРОВУ

Пятое время года –
это праджни нашей природа.
Интуиция перворожденья.
Нашей почвы себя постижение.
Птиц невидимых посещение.
Наших умерших лиц возвращенье.
Рун неслышимых песнопенье.
Обладанье собой, не владенье.
В этом времени года мы стары,
словно струны безструнной гитары,
что играет нам юные пьесы,
что похожи на горловы мессы.
В этом времени всякая малость
безупречна как мира усталость.
И как в озеро чистое дождик,
льется ум наш – истошный истошник.
Изливается весь без остатка.
Вот и нет его: как же нам сладко!

***

Позади нашего мира – нечто,
что вне нашего мира.
Спокойное и не ищущее нашего познания,
недоступное нашей алчности.
ни в ком не нуждающееся, лучистое.
Оно не является предметом соревнования
на лучшее о нем высказывание.
Оно само излучает музыку,
которую слышат лишь верные.
А остальные ее не слышат,
теряют аппетит и умирают:
позади нашего мира,
недоступного нашему уму.

***

Я принял вызов: я рождаюсь,
растворяя свой косяк,
мышцы отдаю волне.
Так поют внутри весенние сады.
Заново творим себя в ноябрьском
междумирном сне.
Вон летит еще один таинственный косяк.
В нас пылает пламя – чей-то стяг.

2.11.2017

***

Вполне откровенным быть даже в мыслях страшно.
Одной поэзии сие разрешено.
И день и ночь в нас с неба льется брашно.
Мы пьем его как горечи вино.

И разрушает нас всё та же, молча, сила,
не поясняя, для чего мы здесь.
Твои грехи тебе земля простила;
но ты в объятых у нее не весь.

О, разве мы не рвемся в глубь простора,
где смысло-реки сплошь обнажены,
где чувств сновиденных холмы и даже горы
в обыденность судьбы претворены.

***

Лишь отвращаться от земли? О, как легко
тогда входить в пещеры отрешенность.
Богов не чувствовать земных, земных песков
подошвами считать уход в бессонность.

Но если чуешь прелесть ты полей,
невысказанность тайны каждой вещи,
как тяжело сразиться с трапой дней
и восходить к пространству тайны вещей.

В невидимое веще восходить
и черпать из бездонности пустотной.
Как тяжело, о бог мой, то любить,
что исчезает на глазах в дали бесплотной.

Как трудно – полюбить не вещество
и не души страданье в этом теле,
а наше тайное безгрешное родство
на стыке двух миров, на роковом пределе.

16.11.2017

***

Попробуй пропустить своё рождение:
истаешь вместе с телом обнаженья.
Лопух, пожалуй, вырастет, не больше.
Не бойся бестелесным стать, не бойся,
когда укрылся ты духовным телом,
не видимым всем жадным и дебелим.
Оставь их догнивать в кровавой давке.
Телесный мир уже давно в отставке.
Похоронив его, ты возродишься снова
в тех зеленях, где лишни кличи слова,
в тех зеленях, где нас хранит основа,
неведомая снам догадок Кафки.

31.10. 2017

***

Когда я ухожу – я ухожу из себя.
Комната моя пустеет,
ждет, когда я вернусь
и расскажу молча обо всем,
что увидел вовне себя.
Но ведь вовне меня ничего нет:
одно сплошное Нигде
и одно сплошное Ничто.
И комната содрогается,
слушая этот мой страшный для нее рассказ.
Мы возвращаемся друг в друга,
как в родную и щемящую
одинокость неведомости.

31.10. 2017

***

Человечеством накоплено много чего.
А что накоплено человеком?
Человек всё так же нищ и гол, как в концлагере.
Хотя и придуривается, демонстрируя
чудовищный гардероб рок-звезды.
Он всё так же ничего не помнит,
кроме обид на того и этого
да кое-каких загадочных случаев,
заставляющих его иногда просыпаться
и лежать до рассвета в недоуменном вопросе:
кто же я, черт возьми, такой?

1.09.2017

В ПОКРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

1

Софии Суздальской я тронул тихий лик.
Чиста ее печаль, волнуема свеченьем.
Страница выше, чем монбланы книг,
когда ее открыл благоговеньем
сам ритм души её, попавшей в век грозы.
Что может дать мощь молний? мощь озона.
Она легка как сам восход лозы,
где чистота и дух целуются бессонно.
Где горы гнева, там затоны лжи.
Но царственно то сердце, что просторно!

2

Как много – *быть!*
Но чистота наверное еще сильней.
Я вижу шаг монашки юной – он еще вольней,
чем тот прыжок последний в равенство полей,
где ей пришлось бы попусту остыть.
О, не желать, не жаждать, не жалеть себя,
не бегать в ожидании награды.
Как пуст весь космос – словно первый сад,
где дерево стоит, в тебе простор любя.
А может быть само в себе скорбя.
То взор монашенки сквозь палисад.

1 - 2.11.2017, Суздаль

Речь

1

Медленно-певучая речь суздальцев:
город мал посреди безбрежных полян.
А какой медленной и певучей в сумерках
была речь наших предков-крестьян!
Чем одиночее человек, тем он внимательней,
тем взор его вместительней,
тем дольше он удерживает суть фоном.
А сами духи отдаются его слуху,
как будто он нем.

Певуча и почти нетленно замедленна
речь божества, нами измеренного,
уловленного нашими реликтовыми рецепторами.
Нечто сокровенное в нас, совсем не намеренное
уже отцеплено.

2

Речь здесь в ярмарочных рядах
медленно-певуча.
Чем меньше хутор,
тем медленнее и певучей речь.
Хотелось бы сберечь
всё то, чему не учат.
Всё то, в чем ошибался Лютер,
когда сгорали сонмы жизней-свеч
в порыве к скорости.
О, если медленно смотреть,
то вдруг увидишь *нечто*,
вдруг фонарями вспыхнут небеса фоном.
В молчанье речь звучит почти что вечно.
Ты сможешь умереть
под шорохи певучие поэм.

2.11.2017, Суздаль

Храм на Нерли

Гордо-смиренно стоит храм-одиночка.
Ночью в нем звездочка спит, ухают совы.
В книге всего Бытия мы – только строчка.
О, как сверкают коня златы подковы!
Болью стал камень сквозной, травной антенной.
Тысячетравный настой банькою белой.
Вечность пронзает нам плоть – чем она дышит?
О, как подковы звенят: выше и выше.
Даль – только в нас, только в нас,
сколько там тропок.
К храму ведущий пейзаж тонок и топок.

***

Далёко ли, близко ли, но жало флейты
жалейкою уснуло в дебрях ветра.
Я в дебрях лета жгу зимы портреты
и налагаю на исток мышленья вето.

Лишь отголосок флейты – первой жизни жало.
В тумане утреннем и воды, и кувшинки.
Намек на музыку – вот то, что с нами стало,
вот почему сквозь облако домой спешат слезинки.

29.07.2015

СОН

Её касание до известной степени суггестивно,
она словно бы ничего от меня не хочет.
И в то же время она хочет столь многого:
provocatively-passively,
что я меняюсь сам как древний кочет.

Мы с ней исследуем неизвестность мира,
его прекрасные, не тиражируемые закоулки.
Но не говорим об этом: мы слишком гулки,
не гунны похоти в нас, а пласты Эльстира.

Но это совсем не то, что можно извне представить.
Мы ведь почти не касаемся друг друга.
Мы еще сами не знаем, чья мы прислуга.
Но мы не можем этот мир просто так оставить.

Что-то должно быть разгадано и укрыто снова.
Нечто скрывается в том, что мы так различны.
Надо найти признаки, по которым мы
неоспоримо вечны.
О, как блаженно прикосновение твоё и ново!

1.11.2017

***

Л.М. Поспеловой

Необъятное небо есть не везде.
А в этой деревушке – необъятное небо.
Ночью она кланяется звезде;
но это не символ, а таинство склепа.

В склепе древнейшем что-то есть.
Древня в нем чует чьи-то останки.
Там нет ничего, что могли б мы прочесть.
Там честь торжествует в объятях Ананки.

Вот почему необъятность с утра
снова блажит и дрожит отрешенно.
Ржут потаенные боги нутра
вышне умалишенно.

28.08.2018, Копанцево

***

Я в баньке деревенской
сижу как фрайер венский,
собою потихоньку дорожу,
в предутренних камланиях дорожу.
Вчерашнего тепла ищу остаток.
О, как он тих и нежен, как он сладок,
как чужд уму и сердца мятежу.
Как древни эти запахи и молчи.
В окошко стелется туман белесый.
Как ослепительны в своем движеньи ночи,
напоминая, что мы утром босы.
Обутый, ты стремишь себя к олимпу,
пытаясь хрипоты своей добавить.
Но нам не научиться даже баять,
нам не добавить ничего к земному нимбу.

***

Высотами пылит тоска
из близи старых пересказов.
Как горек хлеб, как город вязок.
И несвершенного оскал
пронзает плоть вблизи виска.
О песнь Земли, о голос сказок!

17.08.2018

***

За что цепляется наш дух?
Сам за себя; себя он ищет.
В нас кто-то бедствует и рыщет,
как будто в нас тропинок тыщи,
но разъединствен высший слух.

Дыханье наше как вдуванье;
священно облако в груди;
как мимолетное «прости»
мгновенны проблески сознания;
безумен миг, бездонен тыл.

Что выдыхаешь в чисто поле?
Что слышишь в миг, где нет ветров?
Где нет подсказок и мостов,
где твой молчит молитвослов?
Что слышишь, раб, в миг высшей воли?

14.07.2018

***

Вот идет моя жизнь как восстание –
снов, деревьев и призрачных сует,
безполезное клокотание
нежных близостей, горестной жути.
Хорошо, что нет пользы от жизни.
Мы же знаем: ее комбинаций,
всех фонтанов ее и акаций,
всех бездонных утаек и граций –
ничему здесь не скажешь «держите!»
Безполезное слово у истин,
только нежность касается тела.
Пой, покуда не онемела
ни омела, ни рот твоих листьев.
Боже правый, текучи богами
как фонемами – устья, притоки.
Как движенья навстречу высоки.
Боль не вечна – как облако, камень.
Пой, селянка, Изборск и окрестность,
все двенадцать источников, пойте!
Все мы движемся в неизвестность,
ослепительны на повороте.

***

Если этот кустик не священен,
то всё напрасно.
Если это озерко не священно,
то мы зря молились.
Тщетны слезы, если нету мифа
в нашем слове, в простом и ежедневном.
Если не сакрально касание этих губ,
то всё пропало.
Я брожу по окрестностям уже неделю,
всё ищу древнюю священную рощу,
где средь дубов бродили хозяева и гости Колхиды.

Но если вот эта роща не сакральна,
по которой я брожу ежедневно,
то пусты мои поиски изначально.
Черная юга черна не от Черной речки
и не от Черного моря, а от
почерневшего сердца; оно не способно
светить своим собственным светом,
ему нужны тысячи подсветок
из чужих мифов и артефактов.
Вот оно, черное и бездонное горе!..
Но что под этим несвечением,
что под этим? Что под этим
почеревшим, померкшим сердцем?
Вот ведь в чем вопрос, вот ведь...
Где твое золотое руно, Колхида?
Ведь и золота-то в руне было с горсточку ребенка.
Но иное золото в том руне сияло,
о, совсем-совсем иное...
Как близко от человека до бога.
Богам совсем не нужны груды металла
и напыщенные небоскребы.
Однако с нашей стороны боги непостижимы.
Всё непостижимее священство родника и рощи.
Сколько бы ни искать, сколько бы ни рыскать.
В груди познаний о редком и редчайшем
тонет наша первая и последняя свобода.

с. Лдзаа, Абхазия, 11.07.2018

Из цикла «Диалоги»

***

*Кто жил, в ничто не обратится!
Он должен к бытию прильнуть,
он должен выпить мёда суть,
где яда ужас древний длится.
Что ждет того, кто *быть* сумел?*

Кто не сумел осуществиться?
О, этот шорох горя в лицах
близ нескончаемости дел.
Кто жил всего лишь – станет прахом.
Его ничто не защитит.
Он не промерил море страхом,
он был всего лишь вертопрахом,
и кто-то в нем всерьез убит.
Как глянуть в вечность сквозь мгновенье?
Нас шевелит ошеломленье,
нас тронуть может лишь экстаз.
Мы не умрем, когда мы пенье,
когда мы ливня слёз волненье
сквозь солнца бьющий медный таз.

15.11.2017

***

*Но я могу любить лишь на просторе.
Мою любовь, широкую как море,
вместить не могут жизни берега...
Я помню, как стоят в полях стога.
Как широка и бесполезна Русь!
За жизнью что-то есть превыше жизни,
что наполняет жилы тишиной.
Достаточно весны всего одной.
Я сам с собой в волну одну сойдусь.
Какой простор! Я посвиста дождусь.
Я весь сольюсь с подветренной луной.
Я сам с собой... Достаточно одной...
Нам в помощь всё: и ярь в глазах, и горе.
Суть красоты – струить себя в просторе,
что просквожён между миров струной.*

***

*Отшельники, тристаны и поэты,
Пылающие силой вещества...
Полудики, легки, полуодеты...
И вдруг: внутри машины и газеты,
шлифующие власти кабинеты,
и вместо братства – натиск и братва...
Всё можно скрыть в словах, ты в этом прав, конечно.
И все-таки обрушилась тропа.
Уже нам не ступать уверенно и нежно;
на каждый шепот – крик, на ропот – камнепад.
Священство вещества ушло в иные степи.
Догонят ли поэты эту ночь?
Поэт – совсем не тот, кто окна РОСТА лепит,
кто стадионы и эфиры метит.
Поэт – совсем не то, он – вне, он – не, он – прочь.
Не там ли, где и ты питаешься разлукой?
О разлученные, велик ваш дар.
Не тронуть, не сместить, не оскорбить кунштпюкой.
Что светит в веществе, откуда тот пожар?*

***

*И мы по опустевшему паркету
подходим к просветленным зеркалам.
Но просветленье не дается нам.
Всё давнее становится священным.
Подумаем, давайте, почему.
Мы – только что; уже глядим во тьму
совсем другими, вечными, глазами,
где светит просветленье вечерами
заката заревом над опустевшею землей.
Была здесь Артемида и Алкей.
Куда ушли? Не опустела ль вся земля,
подобная вчера еще паркету,
где напряженье высшее лилось?
Что глеет здесь? кто бросил людям кость?*

Они грызут ее всё громче в дикой сваре.
Чу! демон пролетел к окну, где быть Тамаре
недолго на земле, но привелось.
Мы побывали здесь, мы здесь искали ось,
чтоб не закончить жизнь в бахвальстве или в баре.
И вот по опустевшему паркету
подходим к просветленным зеркалам...
Мы, древние жрецы, близки к священным снам,
мы жертвенно уже полураздеты.

23.07. 2017

***

Гения возраст в том, что он гений.
Не гениален Генин Евгений.
Может быть, сын его гениален,
раз его возраст здесь оподвален.
Крутится-вертится, ось остается.
Возраст проходит; о, как он вьется,
змий поднебесный, в душах осенних.
Гения возраст – всевоскресенье.

***

*Только одно не имело сомненья –
мысль о бессмысленности творенья.*
Падали яблоки в море значенья.
О, сколь бессмысленны смыслы влеченья.
Сколь обольстительны смыслы безсмыслиц.
Если бы смел я повиснуть без виселиц
яблонь и груш и заоблачной тучи.
Только бы в ночи мне скрыться летуче,
чтоб обозначить все смыслы веков –
нерасшифруемых черновиков
мысли, предшествовавшей творенью –
громокипящему (с)тихотворенью.

***

*Не посещайте художника после кончины,
а навещайте, пока вы живы.*

Когда вы кончились, что посещенья?

Коловращенье, очей верченье.

Когда художник, почивший в бозе,
не пригласит вас в свое предгрозье,
вы в цветоведение не войдете.

Жить в боговедении – не в природе.

Но навестите, когда вы в даре,
когда шары в вас гудят в пожаре.

Пусть захлебнется он вашей лаской,
пусть рядом трусит цветной савраской.

Когда скончаетесь, всё будет поздно,
всё будет звездно и всё морозно.

Не полежать на траве шелковой,
не осчастливить тропу подковой.

***

Стихи не пишутся – случаются.

Так гвозди гойями венчаются.

Так умирают соловьи.

Так реки с небом обручаются.

Так Вии мечут меч: лови!

Стихи не пишутся – случаются

как тайники ключей любви,

когда почти готов отчаяться,

но не готов еще покаяться:

лишь вопль к Никто: благослови!

2.09.2017

***

Нас мало, нас может быть четверо...
Начало такое прекрасное.
Начало безудержно чётное,
избытком витальным атласное.
Внезапными сломами линии,
внезапным предгрозным сгущением.
О, юности вольности синие,
дыхание стихотворением.

Но вдруг обрываются четности
и входит смертельная троица.
И крутят напраслину лопасти.
О, первая в жизни бессонница!
Троична древнейшая истина.
Витальность уже на обочине.
Завалены желтыми листьями,
мы корнем уже озабочены.

Как троицы тайна изысканна,
туманом полна недеяния.
Напрасно мы смыслы измыслили,
вернулось внезапно сияние,
разора полно и крушения.
Окончены плотские праздники.
Отшельничество от движения
прозреньем вневременным блазнится.
Ты полон сплошным одиночеством.
Дух троицы мечется, кается.
Встает занебесное отчество.
Невидимо что, то сбывается.

***

Выхожу один я из барака...
Этой саги все ж конечен срок.
Человечья все ж начальна драка.
Человек – известная собака.
Сторожит ее не бог, но рок.

Сколько ни бродяжит шваль земная,
в перегной уйдет и в снегопад.
Одиноко птиц безвестных стая
в даль летит без слез и без возврат.

Как отцы пришли из устья речи,
так и в нас безкрайне мгла молчит.
Ночь тиха; гон бездны недалече!
В нас эон с эоном говорит.

Чем эонное затронуть? нежной скрипкой?
Небывалым шепотом богов?
Танцем Кришны, мужества улыбкой?
Музыкой некошених лугов?

В нас звезда с звездой что-то знают.
Как кремнист твой одинокий путь!
Наши мысли грешные читают.
Только б не забытья, не заснуть.

В небесах торжественно и чудно.
В душах редких звездный шепот свят.
Жизнь прожить – как больно и как трудно.
Как пронзителен непостижимый лад!

13.09.2017

***

*Есть ли тот, кто этой дачи спящей
сторожит покой?
Ускользящий, непреходящий,
вечный и простой.
Сколько света в этой тихой дрёме,
в нежности-тоске.
Тыщу лет я прожил в этом доме,
в доме на песке.
Ускользает всё, как только тронешь.
Нечего нам взять.
То летишь, а то блаженно тонешь,
некого позвать.
Но покоем вечности объятый,
светом из глубин,
растворенный и почти крылатый,
шепчешь: «Ты один?»*

***

*И забуду я всё – вспомню только вот эти
полевые пути меж колосьев и трав...
Всё, что надо нам знать – что мы сущие дети,
потерявшие сущий устав.
В простоте умирать бесконечно свободней.
Нет постели прекрасней, чем луг.
Простыни невозможно найти благородней,
чем внезапного неба испуг.*

СТО ПУТЕЙ НАЗАД

*Под небом голубым
есть город золотой
с прозрачными колодцами,
с немеркнущей звездой.*

В том городе есть сад,
в нем горные цветы,
и медленные травы там
гуляют как коты.

Там медленный рассвет,
стремительный закат,
небесная мелодия
и сто путей назад.

Тот город не летит,
тот город не плывет.
Как медленная лилия
он под луной растет.

Не знает там никто,
где небо, где земля.
Засеяны алмазами
там дивные поля.

И облаками стелется
пшеница там и рожь.
Там знают все созвездия
про то, что ты живешь.

И ангелы без крыл
гуляют там без сна.
Невидимая движется
в них вечная весна.

Они не знают, чей
сейчас над миром век.
Смывает дождь царяпины
как прошлогодний снег.

В том городе – Восток,
И Запада там нет.
Текут, текут над городом
пути молочных нег.

Кто нежен, тот и волхв.
Кто кроток, тот и мудр.
Там камни и кузнечики
волхвуют мантры сутр.

Ты встретишь там людей
из давних-давних снов.
Они возьмут с собой тебя
без всяких лишних слов.

Там есть один ручей,
чья влёт течет вода.
И ты, едва войдешь в него,
истаешь без следа.

***

Сплетенье слов, характеров и снов
дает особую тревогу не думать о конце.
Но и начало неподвластно мысли.
Мы просто вышли
свой найти улов
как память об отце.
Нас ищет или ищем мы?
Не угадать. Плыдем мы в толще вод.
Нам предназначено пронзительно устать,
закат вонзив в восход.

***

Чуть нищая Абхазия укрыла
свои крыла в полубожественной Колхиде.
Пещерами сокровища размыла,
чтоб не ушли искатели в обиде.
Стада овец в неведомых ущельях
всё так же бродят как в двапара-юге.
И старцы древние себе на новоселье
готовят въяве огненные струги.
Не сокрушить то пламя, что потухло;
простор врывается, когда он хочет.
Есть водопад, то значит есть и ухо.
Не в нас ли он, незнаемый, грохочет?

18.07.2018

***

Колхида! Сгинула почти.
Цари уснули в карсте ломком.
Как кратки пешие пути
на озареньи речи тонком.
Вся слякоть кончилась,
прошли морские сны.
Осталась мифов древняя пещера.
О, сказки осени, вы – первенцы весны,
кто верил в вас, того хранила Гера.
Убили нимф иронии века.
Дриад ты не отыщешь в общем гаме.
Простор поет; как роцца велика,
что сжала нас мгновения руками.
Одна лишь Ночь объединяет нас.
Ущелия в горах пьяны собою.
Из каждой пяди смотрят сонмы глаз,
и синий зверь сквозь нас бредет тропею.

16.07.2018, Адлер

***

Когда б ты морем был,
в тебя б вошли дельфины.
А так ты тоньше тонкой паутины.
В тебя вмещаются одни лишь бредни,
вставные зубы, мировые сплетни.
Ты состоишь не из прозрачности безкрайней,
где веют духи призрачности ранней.
В тебя потоками вливается словесность,
где истончилась до исления небесность.

***

Вставая поутру у края моря – осознавай!
Ты в кали-юге, милый мой, ты лижешь край.
Век золотой давно прошел, безсчетны дни.
Гудит завод, поёт осел, мы вновь одни.
Век одиночества, не скроешься ты от него.
То не мечта твоей души, то сущность дней.
Оставлены мы, в этом суть, здесь каждый – вор.
И мрак, в котором мы, он всё сильнее,
он всё сильнее.
И если кто-то вдруг осиян – для нас святой.
А он всего лишь раб царя, раб Натали.
Мы устремляемся в пучины стран
большой гурьбой.
Но есть простор, где не бежали мы, а тихо шли.

***

Что упоение словами,
когда есть глаз её величье.
Есть нимбы нимф над головами.
Есть тишина в сверхшквальном гаме
и проводы в оркестре птичьём.
Ведь что-то же не гибнет с нами,
ведь что-то же в слезе сверхлично?
Иначе всё безумно в храме.
Иначе рана в сердце вечна.
Иначе рана в сердце вышня.
А ложь земли – в безсмертной раме,
а ночь – пустотно мусикична.

***

Между *спасибо* и протестом
мое движенье меж людьми.
Я своего не знаю места,
я временами просто тесто
из предсебя, из зыби детства,
из ужаса: куда мне деться?
где подлинно моё наследство
и почему есть только миг?

А в благодарности я слаб,
я нежен – маленький теленок;
себя и всех мне жаль, я звонок,
почти прозрачен – так я тонок,
я защищен людьми спросонок,
о, только б длиться меж пеленок!
Во мне нет рыка львиных лап,
но я блажен как божий раб.

***

То - то - то - То-ледо.
Лето Леды, о бога Тота след.
О Сантьяго де Компастелла, о кастаньеты.
Приснившаяся смерть
разве не явственнее,
чем Зуолаги свет.

Небо состоит из гор и видений,
летающих каравелл,
из молний, разрывающих желть и синь.
Руки сохраняют волю растений,
покуда в них лепетно молится жизнь.

14 июля 2016

* * *

*Человек, познавший истину, забывает о словах.
Где бы мне найти человека, забывшего о словах,
чтобы с ним поговорить?*

Чжуан-цзы

Поговорить бы с тем, у кого нет слов.
Со златоустом, что богат молчаньем,
укрывшимся в обители основ,
где сов пролеты не заведуют отчаяньем.

Где дом отчаянья, в котором ты чужой?
Отчаявшись, ты рухнешь в нежность рек.
И в небе путь окажется тобой...
Как лёгок тот, кто рядом с тобой лёг!

7.05.2017

***

Но кто он, из глубин хранящий твою смерть,
когда стволы деревьев “выслеживают бога”
и поле ласково струится у порога
и шелестит холма ночного смысла медь?

И взбудораженный до кончиков ногтей,
до оснований подлинной хребтины,
впервые ищешь тайну пуповины
и тайну неслучившихся гостей.

***

О, беспокойство тайных недр озерных!
Позёрствовать позорней нет, чем в зернах
предощущать молитву естества,
как будто ощутишь еще родства.
Как будто хватит духа ощущаться
и чувствовать присутствие, не мчаться,
а ведать всею кожей, что ты – есть.
А были ль мы? Неведомо. Не счесть.
Ты сам не ощущал еще ни йоты.
Ты только видел буквочки и ноты
и слышал то, что около того.
Младенчествует в чуде вещество.
Благодарение – чему, кому? когда-то
что взято здесь, что отнято, что смято?
Жизнь – миг касанья или все же воровство?
Как постигать, когда волхвует “О!”?
Волхвы, волхвам, волхвов...
О звуконосец рвов!

10 августа 2013

* * *

Суть неба начинается тобой.
И сам ты распростерт здесь как любой.
Любовного испития не счесть.
И там, где бродит жисть,
там песню грезит честь.

* * *

Кто вносит натиск наш в наличный мир?
Что может дать напор энергий чистых?
Фактологический бальзам и эликсир
из сумм сложения случайностей землистых?

Но что-то есть в отчаянье твоём,
когда вся страсть слагается в попытку
постичь внезапный скрытый окоём,
когда дивишься ты из Никуда избытку.

***

В чем суть игры иконы?
То сути к речке склоны.
То сути слоя пахотной земли.
То суть унеженной в траве змеи.
Мы вечером таим всю дневность света.
Пропитан я всем воздухом прогретым.
Едва ли мне таким лежать в гробу.
Все таинства земли – мои табу.
Пропитан я иконой умиленной.
Лишь чиркни – и уйду насквозь воспламененный.

***

И где сигнатуры заканчивается ход,
и где внутренности мои лежат,
подходит к пристани долго
блуждавший пароход
и чьи-то губы, всматриваясь, дрожат.

Оставляют нас тихие слова,
покидают нас крылья рек.
Разматывается светящихся нитей голова,
тает сгоревших лет ковчег.

Белые, длинные-длинные руки пурги
в детстве насквозь ощупывали меня.
И все же как они меня берегли,
грели чудом внутреннего огня.

Голоса, голоса, голоса.
Сколько песен в поднебесье ушло.
Всё, что осталось – эти глаза.
Ни пургой их, ни памятью не замело.

***

Шрапнель сознания,
фрагментов веко.
Шрапнельные кванты-века.
Осколочные дыры
в первомлеко.
В немотственность река.

***

Ничто всезаслоняет нашу точку.
О, крошечная искренности мука!
Еще б одну миллионолетий ночьку!
Но как коснуться центра сна и слуха?

И воплей водопад твою судьбу стирает.
Не можешь разобраться в самом главном.
Не то ль болит, что здесь и умирает?
Но что мне делать с этой рваной раной?

Ничто переполняет в нас не нечто,
а чистая слезы и ока влага.
Как тишина безмерная безпечна!
Какая в озере безмерная отвага!

***

Уйти, уехать, исчезнуть!
С собой ничего не забрать.
Прижаться к движенью, не к бездне,
чтоб струны перебирать.

Уйти, уехать, исчезнуть
в последней, безвестной глуши.
Чтоб шепот услышать безсвязный
в районе пропавшей души.

* * *

Когда себя в другом ты узнаёшь,
тогда лишь ты безмолвно тих и чист.
Да, ты летишь: ты плачешь и поешь.
Ты – край Земли, край Неба, ствол и лист.

10.11.2012

* * *

Вот умирает человек,
и ты здесь рядом.
Что ему скажешь в этот миг
под этим взглядом?
Он далеко или еще
с тобою, в *этом*?
Как горячо его плечо,
зачем поэтом
он бороздил пустые дни
сквозь тьму эстетик.
И вот конец, и вы одни,
во тьму билетик
ты оторвешь сейчас ему.
Уже потерян
для нас, таскающих суму,
лишь звуку верен,
который слышит он один,
он – вне природы.
О, он природы господин,
в нем – шифры, коды.

7.06.2015

***

Но как выглядит знание?
Говорят, оно выглядит бабочкой.
Мне оно однажды явилось
порхающим воздухом между соснами
и мшистыми окаменелостями в лучах заката.

***

Кто прожил здесь трухой,
а кто воином духа.
В детстве крался тайгой,
был малява-изгой,
гений нюха и слуха.
Никогда ничего получить не сумел он,
в нем дремал не свершившийся древний экстаз.
Не на слово поставил, но и не на дело.
В нем истаяла тайна волшебная тела,
вспыхнув очерком горным внимательных глаз.

6.08.2016

***

Жизнь незаметно уходит сама.
Смерть скоротечна как дым и дома.
Вечностью схвачен как прочной струной.
Как он играет, как будто домой
сердцем стремится из глуби глубин,
где он томится безсрочно один.

6.08.2016

* * *

Не соприкоснулись.
Как важно.
Кожные покровы.
Укрытостью
как важно прикоснуться.
Всей полнотою.
Размагнитить напряжение.
Когда то было?
Вдруг удар.
Конец покровам.
Укрыта невниманьем полоумным.
Отчасти воздухом.
Отчасти щебетаньем птичек.
Вдруг: не землю,
новым мракосветом.

24.06.2015

***

Всё есть душа, а ей зачем слова?
Любое слово – рана на просторе.
Мы – птичий свист и божия трава.
Словами мы создали только горе.
Творенье наше паутинно-велико,
нас скоро будет не видать за этой сетью.
Не словом наградил он нас – тоской,
когда отправил в странствие
всевеликанской плетью.

22.07.2017

***

Предположим, ты выбрал считать этот мир адовым,
извращением материи, лишенным

духовного статуса.

Доказать это несложно, почувствовать это
проще пареной репы.

Но с чем ты остаешься, приятель?

С куском духовной котлеты,

с копилкой снов, интуиций, с мешком

тоски и амбиций,

с паролями сект и сектантов, с посланьями

братьев атлантов,

с безумьем отца Василида, где

в центре пространства – обида.

Ты – тонкая штучка, пневматик,

создатель и читатель грамматик,

всех тех языков, что не-сущи; кофейным

гаданиям по гуще

подобны миры, что реальны в тех снах,

чьи подушки астральны.

А впрочем, и это так грубо, что лучше бы

дали мы дуба.

В предчувствии сущих грамматик кто буйствует?

тонкий фанатик,

он чует языков миллионы: вне плоти пустотозвонны.

Экстатик, здесь всё ему на фиг.

Бесплотный братишка из зоны.

16.08.2016

***

В поэзии конечно что-то есть,
похожее на пустоту страницы,
когда новы все были в мире лица
и выше слова не было, чем честь.

Когда же вдруг узнал я о Баркове,
то люди мне открылись будто внове.
И трещина прошла через тома,
и пошатнулись петербургские дома.

Я понял, как сильна в культуре грязь,
как мощно похоть протянула руки,
что миром правит скука потаскухи.
Но тем незримей с тайной слова связь.

Я понял суть космического горя,
боренья в самой сути вещества.
И слово мне открылось вновь как море
в опасной близости бездонного родства.

И чистота уже порой томила
напрасной отделенностью от недр.
Но мир хрипел захватной чванной силой.
И я шептал как детстве: «нет и нет».

Мне недра открывались в тихой молчи,
в том некасании, где чувствен высший дух,
где шевелился первый эрос Ночи
и просыпался музыки петух.

***

Когда боль тела загоняет в угол,
в печали ты огромно отрешен.
Ты в сущности почти всего лишен
и окружен забором жутких пугал,
придуманных еще с истока дней,
и смерть среди них – не всех страшней, пожалуй.
Ты ищешь центра мира словно жалость.
Неужто боль души – еще больней?

17.08.2016

***

Непостижимо то, что было.
Непостижимо то, что есть.
Непостижимо то, что будет.
Так надо ли нам постигать?
Божественно всё то, что было.
Божественно всё то, что есть.
Божественно всё то, что будет:
одно божественное сущее.
А то, что сверх, то – за пределом,
мы этих крыльев не коснемся.
Они лишь только нам приснятся,
как нечто снилось мне тогда,
когда мне было четверть года.

20.08.2016

ИЗ СЕРДИТОЙ ЕМЭЙЛ-ПОЧТЫ

Сколько бы ни вышлепывать нам текстов –
легчайшее занятие самовлюбленных глупцов,
важничающих невежд с кучей дипломов
в кармане, –
всей этой остротной тупостью
изысканно-велеречивых слов
только придвигается миг крушения.
Как и изжевыванием музыки, которая,
воруемая у богов,
загоняется в бордели концертных залов.
Всё напрасно в мире самодовольства:
наши хари недостойны даже плевков.

2.10.2017

***

Захват мира произошел.
Изошренность достигла предела.
Все знают всё; как хорошо!
Лодка до борта просела.
Все удивляют всех.
Каждый поражает другого.
Невыносимость утех.
Нет больше тайны алькова.
Сытость превысила глад.
Музыка стала отрыжкой.
Бесконечность цитат.
Вор погоняет воришкой.
Блеск лишь остался да треск.
Каждый себя восхваляет.
Правит империей бес.
Душу хирург удаляет.

30.09.2017

Что?

1

Что жизнь? Быть может просто летаргия,
где только тень твоя?

Кто может, тот пускай живет,
а кто не может?

Кто моцартовый прах безчувственно тревожит?
Кто чует вживе только свой живот?
Страдать умеет Кафка и Кривулин.
Жизнь хороша без нот и загогулин,
когда нигде ничто тебе не жмет.

2

Что делать кротости безмозглой?

Не претендуя, ниц лежать?

Или в квадрате боли слёзной
траву ласкать, детей рожать?

Что делать дурачку в тумане?

Стихи Тургенева горланить
или сушить по ветру хвост?

Ум потому и подл, что остр.

Как тихо шевелится остов.

Не унывай, ты только остров,
и жизнь твоя – великий пост.

Май 2018

В ДЕРЕВНЕ КОПАНЦЕВО С КНИЖЕЧКОЙ АРТО

1

Сумасшедший Арто
пишет о сумасшедшем Ван Гоге.
Он воинственной чем сама природа.
Зачем он пишет?
Чтоб вырваться наконец
из этого ада.
О сумасшедший Арто, ты в аду иль в саду?
Как ты завидуешь Ван Гогу,
сбежавшему в остатки рая,
в его фрагменты и осколки.
Как грани цвета тонки, ломки.
Как вещи к небу благосклонны
и к оку нашему, не к смеху.
В пустых полях нет хода веку.
Прекрасен каждый здесь нюанс.
Но целое – превыше нас.
Здесь умолкает восхищенье,
Ван Гог – в коленопреклоненьи,
в слезах иль в чем-нибудь ином,
с уродливым своим лицом,
с уродливым Арто лицом
сквозь цвет, прокаленный жрецом.

2

Когда ты тело износил,
ты разве новое просил?
Когда ты душу износил,
ты разве новую просил?
Неизносимая душа,
как ты юна, кругла как шар,
ты словно ангелы стыдлива,
ты знаешь: счастье боязливо,
оно таится в крохах бедных,
в краях таежности целебных.
Бог нищеты и глухоты
нас в святость рощи ночью манит.

3

Органист бури, замершей на мгновение
в прозрачном пейзаже,
довольно, Арто!

Ты недостаточно сошел с ума.
Ван Гог глубже всякого субъекта,
ибо он давно уже стал
межвременной сутью вещей,
поглощающих нашу вещность
и вновь возобновляющих ее
в измерении духа,
который крадется к целостной тайне
старинного замка, зовущегося Атомом.
Остерегайся людей!

4

Ярмо необходимости писать,
не зная для какого мира,
для какой вселенной...
Что общество, когда вселенная
таинственно распределена меж редких душ,
пришедших неизвестно от кого,
и этот орден тайный
востребовал ван-гоговскую службу.
А ты, Арто, всё по обочинам гуляешь,
прильнувший к жалостливым плачам.
Жертв безсчетно,
но гений проскользнет между вампиров,
к окраинам он льнет и к сеновалам,
он весь – животное всей благородной статьею.

5

Однажды всё вдруг обернется чистотой,
бескрайней тишиной: поля, леса, холмы...
Промыты чистотой – зверей умы.
И каждый облаков набег – святой.

Сколь низок здесь и редок частокол.
Узки побеги в чащу редких троп.
Взгляд открывается, и вот совсем он гол.
Забором здесь укрылся только поп.
И лучше обойти сей храмов толк.
Кто вымок здесь до нитки – я иль волк?
Я волоком влеку своей судьбы извод.
Кто в бесконечности? Кто отбывает срок?

6

Каждый попадает в свои тенеты.
Остолбенелый сток – в твои секреты.
Секретна выделка любого чудака.
Душа доищется безделки маяка.
Не к истине – напраслина движенья.
Мы верим в прах, мы ждем уничтоженья.
Когда бы прах в нас уничтожим был,
когда бы дух был бык, кода бы был не дым.
Тогда бы сам он в нас всегда искал сближенья
с покоя вервием совсем простым.

7

Ни воля, ни воображенье
нам не несут освобожденья.
Мы вновь становимся рабами:
готовыми родиться сами.
Но вновь и вновь мы мнем движенье,
разоблачая воплощенье.
Как бог рабом захочет стать?
У мира есть одна лишь стать.
Всё остальное – плод сомнений.
Общенья плод – экстаз мгновений.
Плод одиночества – безумье.
Или прорыв иль уст восстанье:
из мертвых или из живых;
в ключи апостольские стих
вонзился лезвием лопаты.

В Изборске ночь, как звезды святы! –
шепчу, стыдясь наивной мглы,
в меня вновь сызмальства вошедшей.
Стих сочиняет сумасшедший,
кто «Слова...» вывел палимпсест.
Он анонимен духу мест,
из духа отчеств произведен.
Кто молчалив, тот благороден,
он в тихой связке с духом бездн.

8
Осторожно ступает бог,
а нам кажется, что громыхает.
Он не слышен почти, он почти что летает.
Время жизни – олиственный срок
для того, кто немотственно читит
сумрак рощ и пшеничное поле,
кто и в пении мантры молчит,
кто хранит все источники боли
в глубине преисподней всех рек;
он плывет, недоступный всем зовам,
ибо зов в нем – сам сущностный век,
тайно отданный ангелам-совам.
Осторожное время течет,
словно тихое приключение.
Тишина сумасшедших влечет,
в них свершается поклоненье.

27 - 29.07.2017

***

Этот человек знает ответы на все вопросы.
Как он утомителен!
Ты еще не успел задать вопрос,
а ответ уже на тарелочке.

Крадутся праведным путём, кто босы.
Их шаг удивителен,
поутру святостью умыт – сияньем рос.
Как юрки неприрученные белочки.

***

Пока не умер ты,
как всё еще блаженно!

***

Время входит в нас разом,
а потом тихонько вытекает ручейком.
И однажды его не остается:
мы входим во вневременность...

И все же есть алхимики,
пытающиеся временность
переплавить в вечное.
Зачем?
Я думаю, они и сами не ответят,
настолько сильно вечное в них плещет,
настолько они умерли почти
для всех забав, что преходящи и летучи.
Есть что-то жуткое в созданных этих:
они как будто побывали уже там,
вот почему нам не прочесть их взгляд.
Они трою в себе особую торят.
Там на отчаянья языцех говорят.

7.11.2017

***

О лицемерие старенья!
Как будто угасанье – грех.
Не вечно всякое растение.
Старенье – это не растленье,
всего лишь углей жарких тленье
среди сумерек и Ночи пеня
и переход и возвращенье
из плаванья, где неуспех
был гарантирован с рожденья.

И вот ты там, где ждут нас всех.
И догорающие угли
о чем-то шепчут в небеса.
Ты плачешь, вытирая сопли:
какая звездная краса!
Но красота есть недоступность.
Доступно только то, что в нас.
В нас угасает та безумность,
что вечность втискивала в час.

15.11.2017

***

О облако, погасшее в окне!
То чья-то жизнь угасла в переходе.
Не чья-то, а твоя; себя ты видишь *вроде*,
но лишь *вовне* увидишь ты себя вполне.
Узнай себя в ручье, в горе и в небосводе.
И в суслике узнай и в этом прелом пне.
Здесь всё горит как в ярком странном сне.
И все же что-то неподвластно в нас природе.
И что-то несгораемо в огне.

15.11.2017

***

Всё уже сказано. Ну что ж, как хорошо!
Остались только мелкие приметы,
изысканные, редкие предметы.
Пошел, ямщик, пошел же, ну пошел!
Как хорошо, что горизонт наш гол.
Нет ожиданий, кончились ответы.
И нет страны, в которой ты посол.
Всё прибрано вполне, все хорошо одеты.
Разгаданы все тайны и секреты.
Вопросов нет и пуст хозяйский стол.
Уперся в небо мертвый древа ствол.
Преставился божественный глагол.

***

Пока слова не станут редкостью,
они ничего не смогут.
Пока не появится внимание к звуку,
к его оттенку, ничего не сдвинется в нас.
Прикосновение к звуку
должно начаться в одиночестве.
Подлинные коммуникации трансцендентны.
Слово, которое ты действительно хочешь сказать,
дойдет путями, тебе неизвестными.
Не о путях думай, а о слове и о звуках,
из которых оно нарождается.
Оно народится, когда ты почувствуешь,
что смерть у порога. Не та, что пугает,
а та, что – пастырь,
защищающий в нас овец от волков.

ЦВЕТЫ

Все жаждут власти.
Все хотят верховодить,
повелевать, учительствовать.
И только последний маргинал-дурачок,
старательно вслушивающийся
в поучения птички и паучка,
движется по никуда не ведущему пути.
Он один понимает, что он никто и ничто.
Поэтому он никогда не срывает цветов.

***

Нас превращают в слово. А зачем?
Зачем бы не остаться ветерком
и умереть однажды под хмельком.
Зачем бы не остаться Дафнис-Хлоей,
не требуя чего от аналя.
Зачем бы не остаться чистой молчью,
рекой, текущей непорочной ночью.
Зачем бы не остаться зверем, птицей
и хлебниковской белой кобылицей.
Зачем бы не остаться просто взглядом,
медлительным, пленительным обрядом.
Не речью стать, а устьем речки, морем
в момент слиянья боли с общим горем.

***

Я упустил тот след,
что был мне дан.
Как за него мне нужно было
зубами уцепиться или плыть
среди льдин, рискуя потонуть,
рискую быть смешным
и с грязью смешанным,
не встав с величием в ряд.
Конечно, помню.
О, когда б забыть!
И все ж таки
тот след:
я без него – тщета,
я без него – пустяк.

***

О умирающаго час! Всегда мы не готовы.
Растрянно блуждает тусклый взгляд.
Нас будто отрывают от основы,
где души с нами живы говорят.

Но разве мы уходим не туда,
откуда вышли голыми пятнами?
И разве мы впадаем в бред не сами,
страшась в безвидном высшего суда?

О, мы под током духа провода!
Нас трогают не голыми руками.

16.11.2017

***

Мы станем прахом и камнем,
мы станем глиной меж звезд.
Но значит ли это, что канем,
что рухнет построенный мост?

Неужто холм каменный – мёртвый?
Неужто ли глина мертва?
Жизнь дышит безмерной аортой
помимо и сверх естества.

Но пульс естества безпримечен.
Он – в камне укрывая боль.
И нежности глиняной верен
Поющий сквозь пепел и соль.

26.02.2017

***

И в самом маленьком леске
есть дух, что спрятался в тоске.
Он знает: долго нужно спать,
чтобы проснуться и взыпать.
Чтобы лететь, лететь, лететь,
чтобы внутри звенеть как медь.
И в шорохах истаять чтоб,
когда вдруг степь ударит в лоб,
где столько умерло других,
где на губах – прекрасный стих
вослед за ними вглубь ушел.
Вращается межзвездный стол.
И столько рыцарей вокруг,
что тянут вместе дивий лук.

27.02.2017

***

Когда кончается во мне
волна блистания огней,
я замечаю смерть зверька,
чья скорбь тиха, чья скорбь горька.
Прижавшись молча в уголок,
он еще жив, но уже смолк.
Он глубь бытийства ощутил,
весь жизни шум ушел из жил.
И он тихонько стал другим –
недосягаемо-нагим.

1.11.2017, Суздаль

***

О бог молчания! о молчаливый бог!
Какая тишина на всей планете...
Когда бы здесь родиться кто-то мог
совсем иной, чем суетные дети.
Тогда бы поколение началось
тишайших игр и молчаливых истин,
мистерии бы заново зажглись,
и музыка сошла сквозь шелест листьев.
И боги бы сошли в наш тихий дом,
войдя в кувшин и в гардероба сумрак.
И в каждом взгляде, явно не пустом,
сияла б сама истина безумно.

Копанцево, 24.08.2017

***

Когда нам нечего о вечности сказать,
то лучше помолчать, а не болтать.
Но странно не о вечном разговор
тревогу разгоняет с диких створ.

Какой-нибудь Дюма или Парис,
и ты уже вне времени паришь.
О забытье, о млечности обман!
Всей тишины как выдержать туман?

***

О Пскова, о Пскова, о Пскова!
Кто тоскует, тот верит в слова,
Велемира и Гоголя чтит,
чьё гаёрство сакральное – щит.

Меч – не слово, но воздух и персть.
Каждый – вечен, покуда он *есть*.
И покуда Изборск – это тишь,
ты медведем берложно ворчишь,

пробираясь в мистерии суть –
в тишину, чья безмерности жуть
открывает простор пустоты,
где не ты уже дышишь, не ты.

Июль 2017

***

В никогда и в нигде
мы пророчим звезде,
мы в такие вгрызаемся дали,
что когда-нибудь тронем едва ли.
Мы живем в никогда,
проживаем в нигде,
постепенно ничто в нас восходит.
И когда наш вокзал насовсем опустел,
мы касаемся гдешних угодий.
Места нет в нас лишь здешней природе.

Июль 2017

***

Опять Париж приснился несравненный,
к тому ж без толщ, без черных и без белых.
Но с бездной облаков по центру дня вселенной
и с бездною даров душе – осеннеспелых.
Суть дара – встреча душ, с которой утра завязь.
Плод медленно растет, невидимый на зависть.
Он ускользает от прямых прикосновений.
Он есть иль нет: то переход мгновений,
то бликов и надежд томленье и смещение.
Сон – суть души: в толпу невозвращенье.

24.07.2017

***

О, молнии молнийной огонь и страсть!
Безмысленно молнийно в жизнь упасть
и растворяться в медленной траве,
как в пенье смыслов вышитой канве.
Карикуры нет в сплетенье гроз,
ведь кто-то же тебя сюда принес.
Мы – приношенье или же прорыв?
Не смертью ли познания нерв в нас жив?
Утайно утекает наша честь.
Как обезличенно всё то, что есть.
Как обездоленно сердце сродство.
Миг пониманья – дух, но где же вещество?
Дух вещества – познания экстаз.
Тишайше восходя, не открывая глаз.

6.02.2018

***

Что музыка ворочает в тебе?
Ты можешь ль знать?
Бетховен в фортепьянной и последней
сонате разворачивает стать
самой вселенной, а не сердца бредни.
Космологический узор тревожит слух
изысканных, нетронутых артерий,
где с пирамид взлетает ввысь петух
и в ночи юности опять крадутся звери.
Ты понимаешь то, что понимать
никак нам по природе невозможно.
Мы приникаем к лику осторожно,
и не пытаясь палимпсесты прочитать.
Томит нас в музыке лишь первый слой,
познаем невозможным искушая,
той первой бездной чистой потрясая,
еще не умершей, еще почти живой.

***

Мельканье образов у теневой черты.
Но там, где ты, конечно был не ты.
Всего лишь сдвиги фаз, всего лишь скрежет нег,
схожденье осыпи, волна меж «да» и «нет».
Меж света и теней свечение глубин,
которыми ты жив, которыми любим.
Остерегись сказать, решение принять.
Кто знает, где здесь топь, а где сухая гать.
Не здесь живем, не там, блуждающая взвесь.
Я исчезаю прочь, когда я виден весь.

***

Эпоха лжи, не слёз.
Эпоха черных свор.
Жив тот, где свят мороз,
где дики струны гор.
Здесь жив лишь тот, кто ниц,
чья молчье верна как стыд,
как тайна вечных дниц,
что поверху летит.
Эпоха черных свар
и гнилостных пустот.
Где верховой пожар?
Где гунн, монгол и гот?
Отчаянье путей, отчаянье дорог.
России нет русей,
России нет друзей.
Безумно узок срок.

***

Как передать непередаваемое?
Как передать его без слов, без знаков,
без поучающих жестов,
без пинков и подмигиваний,
без гудения сутр?
Без пения воплиниц,
без рыданий над трупом ребенка?
Без свадебного танца,
восходящего к самому первому танцу в мире,
исшедшему из необъяснимого инстинкта?
Как передать тайну нашего обитания нигде
и ухода в никуда?
Как передать тайну нашей изначальной
растворенности во всем?
К кому плачем, уходя?
К кому наша радость в эпицентре цветенья?

***

«Так давно уже не пишут...»
Так давно уже не бают.
Так давно не ищут.
Так давно не лают.
Так давно не пащут.
Так давно не пляшут.
Так давно не косят.
Так давно не просят.
Как давно не здесь ты.
Как давно не с теми.
Все равны созвездья.
Тропы опустели.
Опустели гнезда.
Опустели встречи.
Пусты сны и плечи.
Пустошь нуминозна.

***

Кто пищу ищет у пространства аонид,
а кто пещеру роет в скалах мягких
своих утайных ропщущих планид,
где в рот младенцу не подсунут смерти мякиш.
Пьяна наживка танцев сплошь земных,
когда они с помойкой неслиянны.
Как сладок в детстве был и мел, и вар, и жмых,
пока ты не нашел цветущие поляны.
Потом пространство млечное стихов,
где душ изысканное длилось излученье.
Потом отшельников следы и звон подков.
Потом из тьмы явилось воскресенье.
Потом ты снова утонул в реке,
и чудом выплыл и обрел свой берег;
и родину нашел в чужом песке,
и на чужбине вновь искал америк.
О, путь сквозь звуки, сквозь эонный дождь.
Немыслимая толща оболочки.
Кто здесь прижился? что здесь прижилось?
Кто не молил здесь о пощаде и отсрочке?

2018

Око

Ничто нас затягивает, пытаясь сделать поэтами.
Но инвентарный список мира втягивает нас
нашей жалостью к самим себе,
любопытством и страхом.
Мы включены в эту опись и одновременно
вычеркнуты из нее.
Перебирая цветные камешки описи,
мы защищаемся от пустотности,
эпицентром которой являемся.

Мы – око, центр, созерцающий то,
что увидеть нам явно не под силу.
И потому вместо ока мы
становимся в конце концов слезой.

МЕСТО, ГДЕ МЫ ПРАВЫ

Проходя как-то вечером по окраинной иерусалимской улочке, я на одной из каменных стен среди объявлений и афиш вдруг заметил стихотворение на трех языках: иврите, английском и русском. С первого же взгляда я понял, что оно отправлено лично мне. Называется стихотворение: То место, где мы правы. Привожу его без малейших изменений.

В том месте, где мы правы,
никогда не вырастут весенние цветы.

Место, где мы правы, -
вытоптанное и сухое, как двор.

Но сомнения и любовь превращают мир
в мягкий и разрыхленный –
словно после вспашки,
это как земля, разрытая кротом.

И шепот прозвучит там,
где был дом, который разрушен.

И подпись: *Иегуда Амикай*

Амикай каким-то образом догадался, сколь многих людей я потерял по этой причине. О Иегуда Амикай – привет тебе из моего неслыханного запустенья! Из моей затянувшейся недоуменности. Быть может ты и прав, Амикай, быть может, быть может, очень

даже может. Что пользы от правоты, если под ней зияет незаживающая рана? И разве на гордой правоте, презрении к человеческой глупости и на забвении вырастают розы? Но как жить без роз, о Амикай? Как жить без нежного шепота в доме? Что есть «чувство справедливости» и «моральная правота»? Сухой заасфальтированный двор, где все в порядке и где уж точно не найти лужи. Но разве справедливости мы ждем друг от друга? Разве справедливости ждали от меня мои друзья? Мы ждем стихийного, «противозаконного», мы ждем исключения себя из общих «правил». Да прозвучит любовный шепот в доме, разрушенном справедливостью и правотой, о Амикай!

***

Не смрадно слово, не стоусто.
Оно прослѣзно и хмельно
трудом, где тварь не захолустна,
где плоть грустна и где так грустно,
так тихо меркнет жизни Дно.

2.03.2018

***

Исток нас бережет и хоронит.
Каков бы ни был он, каким бы ни казался.
Кто победил? Лишь тот, кто солнцу сдался,
кто оказался звездами прошит.
Нас волочит невидимый магнит.
Фрагмент пути тебе еще остался.
Нет, не зажился ты и не заждался.
В тебе тоска пути, сам зов тоски болит.
(Быть может, то саднит сам корень парамит?)

3.03. 2018

***

Ты, свидетель психотары,
узки бедра у беднейших,
у залитых воском неба,
вечно в заячьем тулупе,
грекопателей судьбы.
Нищие – сугубо дети,
нищим тоже надо кушать;
разницу меж мудрым дятлом
и скромнейшею пшеницей
нам едва ли отыскать.
Кто убог? Едва ль мы знаем.
Вся убогость – в нашей спешке,
в нашем гордом семимилье;
всех убожее ты сам,
спозаранку просыпаясь
меж ресниц богини Геи.
Тот, кто туп, тот самый чуткий.
Тот, кто чуток, – самый хрупкий,
он живет до поворота,
там где журавля колодец
подпирает дым могил.

***

Кто чует корень, болтовней не изойдет.
Пиликать о трех розах в чаще бога –
срамно до чертиков, иллюзион повес.
У бытия без нас полно забот.
Смотри, как здесь растет ближайший лес,
смотри во все глаза и пей из рога.
А если ты оглох и ты ослеп,
остановись у кромки, где Бетховен,
пронзенный, приоткрыл подпольный слух.
Зов нотной музыки обманчиво-нелеп,
в тебе самом весь гамаюн излук,
всмотришь в пейзаж, где богу равен овен.

***

Конечно, надо говорить с пространством,
не с людьми.
Пространство надо клятвенно тревожить,
творя признанья и обеты.
Пространство – чистота, там в трепете листов,
там – светлы.
Как просто – открываться прямой
пейзажу, что рожден с тобой,
где воздух меж тобою и землей благой.
Кто здесь поет словно гобой нагой?
Так постепенно обучаешься деревьям
достигать непобедимость
и становиться мышцею растений,
хранить их облачность и омуты и тени.

***

Души, быть может, и коснулось.
Но было ли прикосновенье?
Душа поэта встрепелулась.
Но то божественная милость.

Но как в струение войти?
Входить не нужно; ты – в струеньи.
В тебе струенье; бог простит.
Тебе от жажды не уйти,
ты весь – как божье дуновенье.

Ты для людей свиное рыло?
Но это плоть в тебе остыла.
Мощь недеянья – преступленье.
Ты – вне всего: вот что открылось.

2.08.2018

В ЗОНЕ «ЧАСОСЛОВА»

О Господи! Когда я вижу муравья,
не ты ли смотришь на него?
Не в око ли твоём дано мне созерцанье?
И слышанье и отзвук пониманья?
И не твоим ли я журчу ручьём?
Догадка эта вложена в нас на заре времен,
ее пропел Силезиус сравнительно недавно.
Вот почему быть может не совсем умрем.
Не умирает на ночь дом, а закрывает ставни.
Неужто между нами плоть стены?
Но разве ты не видишь эти рощи?
И плоть сознаний наших – страстно кто полощет?
Сознаний роца мы, струна с той стороны,
задетая оттуда не случайно.
И ты, и я – одна по сути тайна,
в которой мы до боли сплетены.
Я – не рефлексия, а паутинка, сома,
я по рассвета угасанию брожу,
я умираю, но еще дрожу,
я всё еще расту, как тот, кто в лоне дома.

1.08.2018

***

К кому ты обращаешься из роя?
К кому ты обращаешься, к кому?
Жужжанье наше очень непростое
мерцаньем желтым чуть тревожит тьму.

То он или она? Где тень и тени?
Кого ты ждешь здесь испокон веков,
прижав к груди холодные колени
среди сплошных черновиков?

***

Сознание ради сознания.

Без перехода на *что*.

Что – вариативно, множественно, текуче,
случайно акцентированно
или случайно безучастно.

Что – материал, груз, информационные
бриллианты,

сплавляемые бревна,

сознание – текущая вода,

где ты не только берегами, но и рекой
уже не хочешь стать.

Рек слишком много, хочешь быть водой,
ее молекулой безсрочно-вездесущей.

Блаженством чистого течения с собой.

О, не с собой – собой...

А что поэзия тогда?

Течение вокабул,

само течение строк,

сама вокальность влаги,

саму себя теснящая к Ничто.

Но как же отделить сознание от души?

Одна ли та же влага в этих реках?

Живем обнажены или в доспехах?

Как вопли боли обнаженной хороши!

5.05.2018

***

Священно неприметное жилище.
И кружка прадеда во тьме чулана.
И влага глаз, что влагу смысла ищет;
и дров сырых вдруг вспыхнувшее пламя.

Священна суть окраин и обочин.
Священно дурачка непритязанье.
И путь Земли, что кажется безсрочен.
И вдруг коней случайных цок и ржанье.

Не удержать тебе ни гибельность, ни малость.
Но ничего удерживать не надо.
Оставь земле и пламени усталость.
Пребудь в тени, где лишь она – награда.

***

То шамканье, то боль от удилов,
то вздыбленность и заревое мчанье,
истрата слов, прощанье с миром снов
и шевеленье космоса отчаянья.
Неизрекаемость и снова жар свечной,
и волхвованье еле слышных теней,
и потаенность главного весной,
и ускользаемость сознания растений.
И бред напрасный, чуткость редких встреч,
потом запутанность и зачумленность,
и несводимость ни к чему: так речь
течет отчаянно сквозь тьмы эонность.
Не ухватить, не тронуть суть, но лгнуть.
К кому или к чему? Помилуй, боже!

Неужто я и есть тот самый путь,
которого на свете нет дороже?
Кто в нас течет, кто рвется на простор?
Зачем он стонет, когда всё в порядке?
Зачем пускается он, словно Иов, в ор,
увидев солнца луч в сырой туманной прядке?

***

Я знаю: смерть – природное явление.
Но разве жизнь не восстает из бездны?
Цветка непостижимо явление.
Все толкованья чуда бесполезны.

Я ухожу не в естества понятность,
а в новую врываюсь сверхприродность.
Поёт сверчок с вершины необъятной.
Всё к естеству являет непригодность.

Всё не выдерживает естества давленья.
Ликует, а затем молчит тоскою.
Жизнь – то прыжок, всего одно мгновенье.
Как будто ждет нас что-то за рекою.

18.05.2018

***

Европейские поэты непрерывно излагают
сюжеты (с оттенками и комментариями)
священного писания и европейской истории.
Всё это почти метафизичное пересказывание
с тонкими намеками

и подулирическими туманностями,
к которым присоединяются ныне и наши пииты,
они называют поэзией. Странное дело.
Это напоминает мне шальную улыбку Леонардо
в лике благопристойной дамы. Впрочем,
больше ли кислорода в этой полуулыбке,
нежели в бодлеровских цветочках зла?

***

Такой туман в груди у человека,
что лишь полубогам расшифровать
под силу было бы. В груди у ээка
такая смута, что богам восстать
пришлось бы, чтобы вынести решение,
каков же смысл Всего непостиженья.
Безмерность ощущений – для чего?
Что движется темнотами мышленья
и где тот жест, что подлинно живой?

Май 2018

***

Александр Сергеевич жил
внимательно и просторно,
успевал подумать и на письма ответить
и заметить морщины.
Он чувствовал, как всё уходит,
как юность превращается в зрелость,
как отеческие поля стынут.
Он ощущал, что не совсем покинут,
что приближается опустелость
и переход в совсем иное,
где правит не кровь, а что-то совсем простое,
непостижимое как сон младенца,
где дышит духа зверь
всей глубиной потенциалов.

Май 2018

***

Какая легкость отпускания поводов у поэтов.
И Лермонтов, и Хлебников, и Трахль...
Стремительно увиден весь спектакль
и сцены всей шумливой мишура.
Новалиса влекла всю жизнь гора.
Но разве смысл их отречения в этом?
Как быстро поняли, что *это* или *то* –
процесс один, над жизнью смерть не властна,
равно наоборот: одна в другой сквозно.
Какая разница, в какое вылететь окно.
Предательство – вот то, что здесь опасно.
И лучше не свершить, чем вляпаться в говно.

***

Я вижу облака.
Отсроченная смерть.
Младенец грудь сосет.
Отсроченная смерть.
Черемуха цветет.
Отсроченная смерть.
Я здесь еще лежу.
Отсроченная смерть.
Я здесь еще пою.
Отсроченная смерть.
Когда б не онеметь.
Отсроченная смерть.
Пусть камню каменеть.
Отсроченная смерть.
Не клеть еще, не клеть.
Отсроченная смерть.
Звенеть, еще звенеть.
Отсроченная смерть.
Безудержная смерть.

Май 2018

***

Моча священного оленя...
Священно всё, коль мир священ.
Священна осыпь древних стен.
Но древностью ты стать попробуй,
промыть дремучей древью стать,
чтоб мочь ту книгу прочитав,
что сочинили жизнью боги.
Как мы свежи и как убоги,
как юн в нас вор и яр в нас тать.

23.06.2015

***

Пейзаж, конечно, умирает
подобно нам, но только дольше.
Кому-то так же сердце ранит
его уход в тьму трансценденций.
Но этот кто-то нам неведом.
И Карадаг уже не тот,
каким его видал Волошин.
Быть может чуточку не тот,
а может быть и совершенно.
Есть сдвиг в чертах, пускай пустяшный
на первый взгляд, но в глубине
он означает много больше:
обвал, цепь трещин, даже пропасть.
Ты чуешь: нет покоя в лике,
не узнаёшь уже того,

кем любовался бесконечно.

.....
И тот, кто так любил тебя,
уйдя, цепь линий отпускает,
и расползаются морщины,
и осыпи текут по склону
и что-то происходит свыше
с миллионом тонких эманаций.

И утром кто-то выйдет к морю
и не узнает Карадага.

А это значит, умиранье –
всепостояннейшая вещь,
мы умираем друг для друга
при сохранении грубых планов.

Мы узнаём, не узнавая.

Живем на кладбищах вне сроков.

Лишь аура – вот то, что сердцу
подсказывает: жив курилка.

Лишь в ней одной все перемены
всеисцелимо драгоценны.

* * *

В чем самоубийство?

Некто упустил свою уникальную,
свою драгоценнейшую возможность,
и она никогда не повторится.

Обрек себя на второсортность.

Эта мысль, неотступная,

жжет его по ночам,

днем уничтожая влагу жизни.

Рожденный «первосортным»,

он всего одним поступком

безнадежно отстал от своего состава.

Самоубийство тела здесь всего лишь
техническая задача.

***

Тьма слов и тоненький просвет.
Безсчестье мракомест.
И снова путь, и снова лес.
И снова мох и хруст брусники.
И снова в нас просвечивают лики.
И снова нас грызет проклятый бес,
увенчанный толпой под ада крики.
Путем тайги едва ли ты дойдешь.
Тебя метель зальет иль звездный дождь.
Но есть ведь тропы: тонки, чисты, дики.
Там ты в себе, куда ни повернешь.

16.12.2015

***

Жизнь проста; как легко умереть
не от опухолей и простаты;
в поле лечь или в банке истечь
богатырскою силой пернатой.

Жизнь проста по природе священной своей.
Только смысл не ищи в ней; мы – сущи
посреди мирозданья безкрайних полей,
вне исканий руки загребущей.

Смысл – не там, где мы ищем, идя напролом;
башковитость сей вотчине чужда.
Тихо истина дремлет, красив бурелом,
дремлют древние ножны и чувства.

Существо – это сущестъ, а истины взвесь
так летуча, как атом дыхания.
Опрокинь в простоту свою глупую спесь:
возродившись на пике вниманья.

9.08.2018

***

Публика любит странных.
Женщины любят дерзких.
Ну а природа не терпит
тех, кто отважнее всех.
Травам милее нежный.
Водам милее гибкий.
А из глубин простодушья
ангелов слышится смех.

9.07.1999

***

Что мир? Душа. Ты растяжим, ты сжат.
Глаголемое – колокол в душе.
Душа пространственна; ты в ней зачат.
Ты в ней давно немотствуешь уже.

Словами ты пытаешься обнять
какой-то внешний мир, который сердцу враг.
Но чистота не пробует понять,
но входит утром в свет, а ночью в сердца мрак.

***

Человек есть чистая форма.
Полые ли мы сосуды?
Возможно, что так.
Страшнее нет того содержания,
которое в нас пытаются влить,
не давая нам самим принять
то, что суще.
Не давая нам совершить труд пчелы,
летающей по садам и долинам.
В нас наливают бурду.
И уже не сияет сосуд
с рассвета и до заката.

***

Где гремят фейерверков орудия,
словоблудье крушит целомудрие.

ЗА КНИГОЙ СОВРЕМЕННОГО

У поэта, как кажется, чрезвычайно сложен
рисунок речи.
Из нее корневища неуёмные (sacre coeur)
торчат во все стороны,
и взбудораженный словесный хаос
устремляется к беспричинной браваде звуков,
уходящих в палимпсест
первосущностных камланий.
Оставим поэту его не к современникам
честолюбивые объятья.
Хотелось бы объять ему
взволнованность своих истоков,
совсем не принадлежащих никому.
Поэт конечно неуч,
и нет в нем ни одной заслуги. Он – тот дикарь,
что заблудился в местности
громдного культурного избытка,
и вот читает надписи вразброс и открывает наобум
воинственные фолианты духа, стеною
восстающие до корня слова.
Дикарь, вертящий головой,
диких произносит звуки.
И все же есть порядок странный
и почти моцартианский
вот в этих полусонных приключениях его,
в касаньях
вневременных почти, но точно-безчинных.
О море боли!

1.08.2018

***

Инобытие в нас струится подобно тяге,
которую вальдшнеп испытывает к своей подруге.
Сколько в нас неисследимой влаги,
странствующей как пилигрим
или как вор по округе.

Влага плещет в нас, и шум этого моря
однажды кто-то может быть и услышит.
В мире есть надлом боли, но не горя.
Есть письма, которые никто никогда не напишет.

29.08.2003

***

Есть только страсть,
всё остальное там, где горы блещут.
О море, меркнувшее в нас
как ярость меркнет всласть
сквозь судороги горных трещин.

2001

***

Сознание может быть химера.
Но разве что-то есть еще,
где так слились бы страх и вера,
где мимолетен птичий счет.

Осознание. Что дальше?
Лишь растворенье непокоя,
где жизнь твою ничуть не жальче,
чем эту нежность над рекою.

***

Мы столь удаленные судьбы с тобою,
мы столь удалённые.
Но разве всевышний мечтатель нас всех удаляет?
Уносит нас склон, мы к нему склонены,
мы в поклоне бессонном.
В нас склонность играет, нас тяга влечет,
то эонность.
Не меньше ничуть, только кажется нам,
что мы меряем мелочь.
Мы трогаем что-то большое, мы трогаем
дерево зрелость.
Касается плод нас, качается в нас он
ветвями-весами.
И сами в себе мы поем и летим; только сами.
Одна в нас дорога, а кажется нам,
что их многие тыщи.
Возвышены веки, возвышена вечность,
то мощи и лики.
То я догоняю тебя, мой дружок, мой двойник,
мой погибший:
иль ты – это я, не усопший еще,
лишь от воплей охрипший.
Сознание уходит из нас словно чья-то волна,
словно чье-то бессмертье.
Его мы хватаем как будто цветок,
оно в пламени женщин.
Жизнь – чистый листок, что нам прислан
в священном конверте.
Попробуй прочесть его смыслы, что горестно-вещи.

***

Ты в мир пришел –
а что тебе приснилось?
Какая щелка в стенке
приоткрылась?
Ты еле дышишь,
всматриваясь – спишь,
смеешься – всхлипывая,
и как червь – летишь...

***

Ничего, что еще не ясны мы себе до конца.
Что такое конец, разве ведомо это кому?
Разве можем увидеть оттенки и грёзу лица.
Пронести я смогу только то, что не в снах подниму.
Чтобы выйти из снов, надо долго нам
красться назад.
Нужно долго разматывать сна беспробудного сеть.
Не конец познаем мы, а только последний закат.
И уходим, как в утро, в коленопреклонную смерть.
Отчего же, мой друг, не ясны мы себе до конца?
Почему лабиринтов так много и темных аллей?
Это море шумит, ожидая явления отца.
О, как медленно море в шептании подводных полей.

***

Истлевающие люди не пишут стихов,
истлевающие люди впадают в отчаяние.
В то самое, в котором мы пребываем сизмальства,
но постепенно разогреваем себя к поэзии:
к попытке обмануть и обмануться; создать флёр.
Отчаяние обдает ледяной водой вразумления,
вправляя сердце в его контекст.
Некуда бежать посреди полного
и нескончаемого Песнопения.
Можно только уйти: тихо-тихо, на цыпочках,
туда, где – чу!..

***

В публичнейший день
я остановлю колесо,
сяду перед единственной картиной.
Есть в мире превращенье и лицо
и род людей, объятых инновационной паутиной.
Святого Витта пляска в их умах.
Во мне – пшеничный колос в центре поля.
Бродячий лев лежит в моих ногах,
и смотрит сквозь меня его блаженства воля.

Как много здесь могли б мы осознать,
когда б в словах не утопили свой кораблик.
Кому свою усталость передать?
Когда нет влаги, остается только облик.

***

Человек – промах Бога?
Очень даже возможно.
Только постигать это надо осторожно.
А вдруг всё наоборот,
и человек промахнулся в идеале.
Господи, как всё сложно!
Как же мне, дурачку, не оказаться в опале?
Разве только Гегелям
да святым Серафимам здесь дорога?
Ловушек стало слишком много.
Просто невозможно выйти за ворота.
Проще картошку сажать на своей усадьбе.
Нет, не бывать уже свадьбе.
Человек закончился.
А выпала из божьего стана всего лишь нота.

***

Неслышанная тишина
великих одиночеств,
которая укроет гром,
когда последний бог
пройдет поблизости от нас.
То русский мастер сотворит экстаз
из погруженья в сумму древних отчеств,
где трогает олень священный мокрый мох.
Мы приближаемся к великой тишине
по капельке, по краю
всего, что в нас тоскою
поднится святой.
Однажды под горой
я свой костер устрою,
чтобы уютно было лесу и луне,
которые в забвеньи были пол-эона.
Когда-то надо же начать нам жить
как в собственной стране.

***

Мир – в маске.
Все-все существа – тоже.
Кроме семерых совсем маленьких
беспризорных котят.
Дождь заставил их приникнуть друг к другу,
прижаться к стволу огромной тютины,
словно она им мать родная.

***

Источник зла почти непостижим
ты можешь вроде бы отдать другому душу
ты думал что тобой в тебе он жил
а он с презрением вдруг разъял тебя как тушу
необъяснима ненависть и страх
уж слишком много существует объяснений
кто обопрется о кого тот терпит крах
мы мстим как кажется за миги обольщений
почти не прикасаться вот тот путь
которым древние не шли а пребывали
обняться с деревом к холму прильнуть
в волну полей вослед коню нырнуть
истоки нежности их жилы промывали.

***

Кто может жить в плебейском мире homo?
Торгащ, подлец и зверь.
Давно уже нам *чувство* незнакомо.
Забита наглухо в отчизну дверь.

Подмен случилось столько, друг на друге,
что не о чем и не с кем говорить.
Всё реже души в одичалом круге.
И Богу некого любить.

***

Когда из горы несказанности
ты выгацишь зёрнышко трепета,
ворот приоткроются странности
до перво-последнего лепета.

****

О, только бы не умереть,
но стать бессмертным в этой связке!
Как мчит нас конь, как млечна степь.
Как дно души укрыто в сказке!
И эту жажду стать другим:
самим собой, где ангел в силе,
ты носишь в сердце словно гимн,
где боги недр нам гнезда свили.

* * *

Растущее растет.
Комар пыгается
войти со мной в контакт.
Что жизни боль?
Быть может, то комар
невидимый
как эта тишина.
Потрогать как ее?
Как нам понять, что *есть*?

***

Спасибо, Господи, за этот день.
Как тих и прост день на земле,
когда жизнь прожита:
нечаянно и не совсем прозрачно.
Тихи дуга, заброшены здесь рощи;
над облаками нету пастуха.
Тропа позаросла как древняя строка;
так память зарастает; всё проходит,
одно лишь неизменно в твоей власти:
не властвовать, а длить и длить вниманье,
пустое, чистое как вечная ризома.
Вот почему ты в городе не дома.
Как просто – лечь в траву и затеряться.
Изглядятся безумия морщины.

30.08.2018

***

Загадочная русская душа?
Но это просто есть душа и только.
Где есть душа, там бедность хороша.
Где есть душа – о, там загадок столько!

Нет тайны большей на земле людей
и на земле цветов, зверей и злаков.
Где нет души, там вместо тайны – змей,
всё шепчущий о тайнах кадиллаков.

Душа, присутствие которой – архаизм,
всё в ухо Достоевскому шептала
и Блока помутила организм
и Мандельштаму в рот вложила жало.

Когда умрет последний человек,
способный постигать души леса и горы,
растает космос как апрельский снег:
он сам – душа, он сам – ее просторы.

***

В нас ангел есть и фурия, меж ними
мы мечемся, не зная где наш центр.
И в этом неустойчивом режиме
безмыслен каждый возглас и акцент.

Мы ангелы, когда за ухом чешут,
и фурии, когда всей правды соль –
на рану самолюбия; Иешуа
всё вопрошает: грешны вы доколь?

Кто без греха? но как же это трудно:
признать свою беспомощность и грязь,
и успокоиться в работе неприлюдной,
признав, что ты не ангел и не князь.

***

Что значит – мудро жить? быть может это
остаться необъявленным поэтом,
скитальцем, что подобен Вану Вэю,
не пойманным ни на уду, ни в сеть,
сумевшим для тщеславья умереть
и женщин чтящим лишь на расстоянье,
читающим древнейшие преданья,
не слышащим ни золото, ни медь,
но только зовы потаённые; греть
пучины сердца в нем сподоблено вниманье.

6.09.2018

ОСЕНЬ

Что флорентийские сады, когда я – *здесь*?
Когда листва мне светится сквозь хвою.
Я сам дерзаю, сам теку рекою.
Не давит на меня культуры взвесь
всей толщью лицемерия отвагой,
безбожия беснующейся влагой,
когда не чистоту мы пьем, а спесь.
Что флорентийские сады, когда я в роще,
и что дворцов купельные плоды?
Ко мне плывут не колыбелей мощи
и не богов растерзанные очи;
я сам беру правления бразды,
входя как жрец в межствольные ходы,
где шевелит меня сам свет на все лады,
где песнь стволов блистательнее Ночи.

***

Есть это тихое, суровое *почти*;
почтительно коснулся ты чего-то,
чего нам от напастей не спасти,
к чему принудит нас последняя работа.

Сквозь говор неумолчный Гёльдерлин
молчал и наполнял рояля струны
фрагментами сознания долин,
где в память вдруг врывались вновь лакуны.

Что значит *жить*, он, сумасшедший, понимал.
О, как он понимал, что значит логос!
Фрагмент беседы каждый раз был хрупко мал;
что говорить, когда в нас кто-то крутит лопасть.

Пустынность речи; есть ли человек,
смотрящий невозможными глазами?
Пусть ничего нет, только белый снег
и птичий гвалт, бормочущий стихами.

7.09.2018

***

В нас есть всё то, что боги бормотали,
когда задули в Гераклита уши.
Ведь боги по сю пору не стихали:
их слышит тот, кто только им послушен.
Как мал тот монастырь без стен и храмов.
В нем послушание творится сплошь безбожно.
Безсчетны на сердцах и лицах раны,
а жесты и улыбки осторожны.
Печальна и экстазна участь речи,
где осыпей сплошные умолчания;
но избавленье где-то здесь, а не далече.
Ошеломительна как день стрела отчаянья.

7.09.2018

***

Есть лица, что сияют безпричинно.
А есть другие – что мрачны безчинно.
В чем смысл сияния и есть ли смысл?
То может – *правда?* только горстка правды?
В фарватере святейшего Ананды
снимается осмысленный покров
и Серафима выступает участь.
Сиянье лика – это ль не везучесть,
не обнажение ль иной страны,
куда уходят отрочества книги,
там острова, пещеры, кони дики,
мерцанья изначального улики
до похищенья в лоно сатаны.
Лицо сияет, это божьи знаки.
Сияет так заброшенный Исакий
и поле, где пшеничная волна.
В чем смысл сиянья? сердца гул безмыслен.
Причин поток воистину безчислен.
Сияет правда как верховный вождь.
И льется из лица любовный дождь.

***

Вере Вениной

Когда из ниоткуда вдруг, из ночи
приходит отклик, гармоничный звук,
на цитру твоих жил, что ветер височит,
на потаенный твой в воротца ветхий стук,
то понимаешь, что еще крадется
не вор и тать по матушке-земле,
что есть еще вода на дне колодца
и кружка дедова на вкопанном столе.
Что миг и вечность? Тихий ветер экстаза.
То он играет на твоей струне.
Нас горстка, мы – бойцы кротчайшего спецназа.
Нет имени блаженнейшей войне.

6 сентября 2018

***

Всё уже было? Конечно же было.
Но в этом и вся красота.
Жил ты всегда, в тебе вечность кружила,
небо в тебе загоралось и стыло.
Песня земная не отпустила.
Значит, ты ищешь моста.
Что же ты маешься как одичалый?
Ну же, от чары очнись!
Вырви прививки безсрочное жало
и от земли оттолкнись.

19.05.2018

***

Порой мне кажется, что тамплиеры
были мне гостями
в пустынном замке, за чертой.
Они от ран и от печали угасали,
но умирали за холмом, за той рекой.
О том, что недеянье святости подобно,
мы прочитали в золотых томах.
Но наблюденье говорит нам об обратном.
Всегималайский труд – вот райский взмах.
Как кротко движется душа в пути возвратном,
когда ей трудно тело дотащить до лавки.
Прощайте, времена!
Мне в снах всё чудились средневековые
лошадки и облатки.
Как сладки слезы! Где те племена?
Закон, что кроток, умер ли?
Но разве солнце гаснет?
Еще цветет неведомый цветок.
О, впереди великие труды, великие напасти
и смерти освежающий исток.

2.08.2018

***

Всё бред, всё только бред.
Где есть мы, там нас нет.
Мир – ниспосланье лет,
стяжанье необид.
Кто есть – не только спит,
он волнами промыт,
в нем токи струн и рек,
он сам – свеченья снег,
в нем в схватке миг и век,
и мировolk, и скит.

***

Осмелся даже распилить кого-то перед смертью,
не скажет ничего о смысле своего
дремучего заглота.
Коснется сути он своей чуть-чуть попозже;
испелелённа плоть его, но сам он
где-то вне поверий.
Он где-то в промежутке
сладостном почти и жутком,
он – вне законов, вне всего, чему его учили.
Он – в пламени холодном, он в дремучести
совсем иной, в совсем иных потоках.
Уже догадывается он о тайне иномирья,
о детскости всех шалостей земных,
о бесполезности карабканий на пирамиду.
Но ничегошеньки он никому уже не скажет:
как точка малая, земля под ним уходит.
Он в переплаве весь, он весь – не с нами.
Он понимает вдруг, что не был никогда с людьми,
но он не знал, что это было так,
что жил он, настоящий, вне потока;
потусторонность он припоминает то ли горько,
то ли с изумленьем запоздалым.
Он слушает не музыку уже, а что-то,
что называть земляне не могли и не умели,
к чему лишь в панике и страхе приближались.

***

Что истина? Мерцание рассвета?
А может мрака беспробудного капкан?
Кольцо тоски в глазах анахорета
или бушующий плененный океан?

Есть истина цветенья и распада.
Нам не постичь суть истины простора.
Входила в пламя истины – менада.
Долину истины хранят святые горы.

Есть истина детдомовки-сиротки;
на свалке издыхающего пса.
Есть истина жестокой к телу плетки
и смуты в сердце, смуты без конца.

Меж истиной безпечного теленка
и истиной таёжного разлива
шумит машинно истинная пленка
играющего в истины блудливо.

Милльоны истин не дадут нам правды.
А без нее нет в Оке тишины.
Неправедный – он истине не равный.
Вне сердца все пути омрачены.

20.09.2018

***

Суть истины всего лишь росный лут
да тихое печи в ночи гуденье.
Младенческий, вне всех причин, испут
и потаённое причастья наслажденье.

***

Свечение осенних роц – совсем не исключенье;
всё включено в круженье возвращенья.
Мы возвратимся, о волненья Пушкин!
Вновь чутки будут ушки на макушке;
хотя не выпадет уже билет прекрасный,
а выпадет удел вполне ужасный,
и чернота возьмет не речки хрупкой;
не селезнем гоняться за голубкой.
Мы к испытанью жил готовы ли в пределе?
Кто учит нас хотеть укрыться глубже в теле?
Мы к созерцаниям мечтаем возвратиться?
А вдруг в нас сердце не захочет колотиться,
и ничего мы не увидим, не услышим.
Себя вдыхаем мы, когда смертями дышим.

Как вязы светятся, как светятся березы!
Не умирают, а прощаются до встречи.
Как на земле черно, какие будут грозы
и сколь немилостиво страшны будут речи!
Готовы мы принять удары молний
и наблюдать, как стервенеет ближний?
Не красотой танец свой наполни,
верни долги исчезнувшей отчизне.

25.09.2018

***

Есть нечто, что – не красота.
Оно правдиво словно лес осенний.
Ведь красота бросает нас с моста,
с того моста, что лик самой вселенной.
А красота – не лик, всегда лицо,
оно всегда на театральной сцене;
заподлицо не видно подлеца,
суть красоты – готовиться к измене.
Весь в кружевах готический собор
приветствует равно слугу и вора.
Но нечто есть, хранящее простор
в самом тебе, не знающем раздора.

***

М.К.

Ты играла, всегда лишь играла.
Не была ты собой никогда.
Только с той, настоящей, бывало
завоевывала города.
Роли все примеряла стыдливо
и меж ними брела наугад.
Что искала? какого разлива?
Жизнь – не сказка, не дивное диво.
Но быть может и сказка, и диво.
Смерти ждешь в теплых водах залива.
Роли две – либо в Рай, либо в Ад.
Ты же верила в сад, только в сад.
Даже в горе была ты счастлива,
поглощая путей мириад.

***

Благодарю, Господь, за простоту.
Я в сложность убегаю от бессилья.
В обилии красот глотаю пустоту,
нависшую над бездною насилья.
Благодарю, Господь за тишь полей,
за вечный путь между грехом и знаньем,
за то, что строг твой взор и не цедит елей,
что восстаешь забвения восстаньем.
Путь красоты единствен – чистота.
Свечение всего – одушевленно.
Дух входит в заповедные места
отчаянно ничей и изумленный.
В рамках пчела, и жук, и муравей,
едва жива бездомная собака.
И человек – всего лишь соловей,
и сложности ума – лишь горстка праха.
Всё незабвенно, что забвенью подлежит.
Монбланы книг – соблазн великий бегства
от той звезды, которой ты прошит
с загадкой всемлечного соседства.
Жизнь невозможна и однако есть.
Познание – иллюзион и фокус.
Трава и пыль и облачная взвесь –
вот наш монблан, и искус наш, и пропуск.

Но если всё не так, то пусть пырей
докажет, что он баловень полей,
а нежное в природе просветленье
нам станет очагом сопротивленья.

8.08.2018

***

Мощь, с которой нас втягивает водоворот красоты,
ни с чем не сравнима.

Попробуй кто вырваться

из объятий мирового города!

Эта мощь доедает остатки нашего иного голода.

Мы мчимся с ускорением бешенства

всё более мимо.

***

Не тварь я только – инструмент; но для чего?

Что прячет от меня миг дуновенья,

которое пытаюсь я поймать?

Я ощутитель патины, и тьмы, и мглы осенней,

чувствилищем пытающийся стать.

Кто тот мой прах, что мной во мне восстать

надеется, но истлеванье чутко,

доверчиво как деточка-малютка;

доверчиво пустынями играть,

порою прячась в бездну интеллекта.

Во мне живет не пойманное Некто,

чтобы мгновеньям сущим быть под стать.

Нужна ли мне эонов всех отсрочка,

чтобы ничто в себе надежно наверстать

иль я единственный сознатель-одиночка

как вор в ночи и на дороге тать?

А может быть, я просто некий жук,

в кого заходят иногда послы и воры.

Прозрачны ужас, оторопь, испуг;

то падаю с горы, то лезу в горы.

Не успеваю ничего понять,

попытки эти просто смехотворны.

Едва успею что-то здесь обнять,

как смерть поет в свои тугие горны.

7.09.2018

РАНО УМЕРШИЙ

Когда день каждый – бриллиант,
как озеро в сиянье силы,
то тридцать лет – то божий грант
со дна мерцания могилы.

Поэт взволнован до глубин,
до струн таинственнейше редких,
лишь полубог пил мёд тех вин
среди молний радужных и метких.

Здесь каждый день – последний миг,
к седлу его пристегнут сокол.
Пыланье всех древнейших книг
в его крови – как грозы окон.

8.08.2018

***

И в рифму вновь съезжаю словно в грех.
Всё тянет в русский лад; как скучен дикий Запад:
в ночной тиши трудиться голой мыслью,
пытаясь ей придать права музыки.
Как здесь легко стать жертвой остроумья,
сплошь тонких, но тщеславных измышлений,
осмысленных сплошь образов, метафор,
где даже Борхесу бы пожелтеть от злости,
когда бы он способен был на это.
И все же рифма отжила, в зубах поэта
гантель старинная и ворох петушиных криков.

Он омрачен громадностью библиотеки,
в мозгу его гетеры, нувориши, зэки.
Он подметает ветром жадности
свой перманентно возбужденный мозг.
Пора залечь на дно, пора освободить себя
от бабочек, и ос, и от оси земной,
от меланхолии зашедшего в тупик,
но в тоге императорской пророка.
Пора признать, что мир, в котором ты
занозою засел, утратил лик,
что ты не слышишь музыки земли,
не видишь её ока.
Но можно ли бродяжить в тупике?
И все же труд смиренный остается
нам как отказ от легкости письма.
Когда к нам иероглифом придет записка
из неизвестной области туманного нигде?
Когда б ты неизменно шел туда, прислушиваясь
к пению земли, тогда, тогда...
Кто помнит, почему святою почитали Русь?
Древесная и нищая страна.
Не то нас держит, что мы денно есть,
нас держит что-то, что мы в тайниках своих,
чего не изрекаем; мы измышленья пьем
и все-таки молчим столь долго, столь неукротимо.
Мы потихоньку нечто извлекаем,
вот почему столь бдительна в нас смерть.

18.08.2018

***

Печалью русских городов
я наполняю каждый слог.
Вот Волочѣк и вот Торжок.
И вновь не выучен урок.
Пусть *Вышний* Волочѣк и все ж
уже он с нижним ходом схож.
Слогов немного в скуке зим.
Изборск в объятиях корзин.
А там – Надеждинск, Чердынь, Мга...
Линейна жизнь, а не тоска.
Стволы молчат как сотни лет.
Каналов, речек легок свет,
входящий в осыпь кирпича.
Здесь золотой орды свеча
плыла по небу, горек хлеб.
И все же Свирь и Дон текут,
волхвуха гордо свой маршрут.
А я бродяжу как изгой,
своей наполненный судьбой,
и русских городов печаль
в моей судьбе прорыла ждаль,
и в этой ждали речи толк
теснит тот смысл, где я бы смолк
и в молчье ушел, блаженно сыт,
утратив суетный магнит.

26.09.2018

***

Какая вам печаль, когда я весь как сон.
А если разрывает боль сознание,
какие струны могут быть меж нами?
Ты помнишь, как с тобой ходили к ламе?
Ты говорила, что не чувствуешь различья.
Как далеко ты заходила в жажде
создать в порыве высшую поэму
союза душ, меня совсем не зная.
Ты танцевала словно Саломея.
И вдруг ушла испуганною тенью
без всякого намека на обиду.
Жизнь широка, как много в ней пространства.
О, никаких обид, мы лишь играем,
почти не прикасаемся, мы – пламя,
бегущее стремительно по веткам,
обутлились цветочки, ветви целы,
и дерево к себе еще вернется.
Как ты хотела стать царицей Мига,
чтоб тот, кто рядом, стал в себе героем,
решился на себя преодоление,
на поэтическое преступление,
на зрячее того предвосхищение,
что даже в наименьшем не ходило б строим.

27.09.2018

***

Когда я был, то я наверно не был?
Так я спрошу кого-нибудь однажды.
Но кто он, этот кто-нибудь, но кто он?
Так я спрошу, задумчиво бездонно.
И где это *однажды* и когда,
когда это *однажды* приключится?
Ведь всё это уже не будет длиться,
не будет ткаться это полотно

и эти нити льнуть и льнуть друг к другу...
И там, где я уже не будет «Я»,
я свой вопрос отправлю безпричинно
кому-то, кто еще наверно слышит
где понимаем всё в округе дышит
и к бытию открывшемуся льнет.
Но как же я попал не в тот извод?
И что я вынес из летеиских вод?
И расмеется тот, кто дан мне свыше.
И я свершу последний поворот,
став мироздания мирового тише.

***

Блуждая взором по ковру,
впадал я в детстве в транс, случалось.
Ко мне творенье возвращалось
и приближение к костру.

Здесь было попаданье в суть.
Едва касалась формы форма.
Ничто и всё здесь стлали путь,
ум исчезал, входила жуть,
и я летел по воле шторма.

Потом и сам я исчезал.
О безконечность лабиринтов!
Во мне неведомый блуждал;
того, что нет, как бред молитвы
он ждал и смыслы побеждал.

* * *

*...Что этих слов никто не понимает.
Что это не названия картин,
не сцены, но – разряды матерьялов.
Что в них есть шум и вес сыпучих тел,
И сумрак всех букетов москательной...*

Б.Пастернак

Слова перебирать как вещи,
на вес, на вкус перебирать.
И гвозди в них вонзать и клещи,
и бархатом перетирать.
И крохоборствовать без счета,
считаясь важным дундуком,
строчить дробь букв из пулемета
и защищаться сквозняком.
Какое море слов незваных,
из закоулков, из темниц,
из редких мест и из поганых,
как будто им значение лиц
присвоить нужно непременно,
всё загрести в амбар ума,
как будто в сундуках надменных
им пролежать в углах вселенных
велела вечности зима.
Что страсть лететь, хрипя задышкой?
Что проку звуком фехтовать?
Всего коснуться понаслышке,
быть при домишке иль при вышке
и вековечно чуда звать.

О звуковая панихида!
Как паха плотен монолог.
Как давит жизнь на песни гида.
Как промывает грозы слог,
когда скворчат в садах обиды,
вгрызаясь в холм, врываясь в лог.
И обнаженье Немезиды
вдруг бьет под дых и рубит вздох.
Всеуплотняясь до морщин,
всезвучье вводит код причин.
Бог смыслов – то не бог поэтов.
Экстаз звучаний – гон секретов,
дом тяжбы женщин и мужчин,
где правит музыка предметов
среди влеченья величин
при попустительстве моментов.
Бог москательной – высший чин,
он звуков ткет разоблаченье,
когда закончится эпоха.

***

Я сам себе пожалуй снюсь.
Лечу из звука одичаний.
Из мелких к тексту примечаний
к началу книги божьей рвусь.

А если вдруг очнусь, проснусь,
войду ль туда, где буду дома?
Где наша ждаль, где наша ось?
Жизнь – только смертная истома

иль нечто большее? Утрать
запеленанье! Раздадутся
пусть звуки, годные восстать
до чувств святого вольнодумства.

Тех чувств, которым снился я,
почти готовый к пробуждению
и к самого себя прочтению:
вернувшись в книгу бытия.

28.09.2018

***

Даль далека, а близь близка;
а может наоборот.
Порхает ветер по простыням,
и облако просится в рот.
Игра в слова всего лишь игра,
играют нами слова;
твоя голова сплошь полова;
безмыслен возглас *вперед*.
Поддаться словам и отдаться словам:
игре этой тысячи лет;
но что ты знаешь об их естестве?
Мы делаем вид, что просвет
для нас существует в лакунах фонем,
в межзвездных их проводах.
Мы верим, что кровь наша – в шепоте сем.
Но смысл всей симфонии – страх.

10.08.2018

***

Поэт еще отражается в зеркалах.
Почему он еще это делает?
Почему он еще заглядывает в них иногда?
Почему его облако еще белое?
Почему его кружева не оставляют следа
в грубых сполохах мира?
Иногда в зеркале ты видишь его силуэт,
его летучее исчезновение.
Поэт выказывает невероятную почтительность
к бытию,
к его умопомрачительной многомерности.
Как он бережно касается иератичности:
то не огонь ли обжигающий?
То не в пламени ль стоящий Моисей?
Ты иногда встречаешь его у ручья,
он снова тающий,
туманом исчезающий эссеи.
То прикосновение пыльцы
и камышинных посвистов.
Как жизнь в безмерности сквозна!
О суть Земли! то к сердцу прислоненных подвигов
прозрачная безвестная вина.

1.08.2018

***

Мистическая почва слова
не поддается власти воли.
Кто мохом бродит страстью лова,
тот не сорвет цветы магнолий.

Кто плохо понимает цепи,
связующие нас поодиночке,
тот будет по ночам как сам Асклепий
освобождать себя от судорог на кочке.

То погруженье в слово без начала,
которое ты вынес из темницы,
пускай бы не финалом отзвучало,
а вещим волхвованьем дикой птицы.

Какая воля, если ты приречен,
когда в тумане ты идешь безсрочном.
Твой каждый день безумием помечен,
но всё же и восстанием восточным.

***

Есть *кра* и *шраман* – две души,
безсмертна лишь первая,
вот почему она есть дух,
равно потомков или предков наших.
Она готова перейти и в семя
в земле весенней
или даже в почку,
во всё, что продолжать расти желает.
Летит пчела, поет петух, собака лает.
Нам не постичь безумий наших ночью,
как и в блокноте бога ненароком строчку.
Наш *шраман* переходит в царство мертвых;
душа живет среди совсем не гордых,
среди покойников живет она тишайше,
к иному познанию ближайше.
И вот однажды *кра* нас тронет робко
и музыкой своей заворожит,
и *шрама*т из покоя убежит
и вместе с *кра* войдет в тревожность рока.
Кто в царстве мертвых души сторожит?

***

*... Куда мы все собрались, стоим,
покачиваясь, кивая, хватаясь
за ускользящую вертикаль.*

Андрей Тавров

Вертикаль никогда не ускользает.
Она одна неизменно есть.
Всё проходит кроме нее,
даже селезень с облаком,
даже Каин с хворостом,
спотыкающийся о бледные лунные камни,
даже зеркала, подконтрольные вековечной магии,
даже сознания нашего юла.
Всё гудит как осенние рощи,
завернутые в цветущий саван тишины,
оставляя безсчестье кругов
на водах без верха и низа.
И когда всё уходит, опадая в бездонность
и безстенность трех цветов и трех звуков,
остается вертикаль, никуда не ведущая,
ниоткуда не пришедшая,
но пронзившая нас.

Мы появились сущей вертикалью,
вопросом, зависающим с утра.
Быть может нам остаться залежалю,
не нужной звездной сущности костра?

Всё улетает – селезень и роца,
взрывается невыпитый бокал.
На памяти земли мы – чей-то росчерк,
когда поет в нас вещая тоска.

Извечна ли она иль мимолетна?
О том мы догадаемся потом,
когда окажемся совсем бесплотны
в чистейшем, августейшем и пустом.

Банальностей не вынести, не выпить.
Но новизна обманчива как стыд.
Но вот прилеты утренние выпи...
Но кто же там за стогом голосит?

Октябрь 2018

***

Когда меня настигнет просветленье,
я не замечу твоего волненья,
всего, что мучает тебя и возмущает.
Замечу только рябь, что в чашке чая.
Почти недосыгаемый для пены,
я буду в искусе судьбы мгновенной.
Но даже то, что я увижу третьим оком,
останется со мной одним до срока.
Суть одиночества – вот то, что вдруг наступит.
Не то, конечно, что нас мраком тупит.
Другое одиночество: прозрачность,
невозмутимая кротчайшая ишачность.
Прощайте, респектабельность и важность!
За нужностью гоняйтесь же, други!
Прощай надежд и строк многоэтажность,
я пропаду в гиперборейской вьюге.

6.11.2018

КОММЕНТАРИИ К БОЛИ

До Гёльдерлина дошел голос Эмпедокла.
До Рильке дошел голос Гёльдерлина.
Целан слышал голос Рильке.
У Целана появилась тьма поклонников
и толкователей, но
услышал ли кто его голос?
Можно ли сострадать
глубине загнанного одиночества?
Возможно ли превзойти Гёте
красотою немецкого стиха?

Толкователей влечет темнота,
им грезится в ней
игровое многосмыслие.
Но разве боль поддается толкованию?
И разве не отвратительно
после сотен Аушвицев и вьетнамских боен
воспевать красоты западного менталитета?
Разве возможен Гёте в мире
Шиккельгруберов и убийц детей Магомета?

Миг рассыпания пришел:
и буквы вновь рассыпаны, и звуки.
Осыпались надежды Бога.
Он пенья ожидал, а не концертов.
Мир расфасован по безсчетию конвертов.
Миг восприятия – то бога пламя.
Горит земля: исчерпано посланье.

30.11.2018

***

Ну почему непременно надо идти до конца,
как того требует модернизм?
До конца чего? Коитуса?
Раздражения? злобы? Тщеславной ярости Ницше?
До войны и революции? До погромов?
До сверхводородных бомб? До пересадки
сердец и мозгов?
До изменения генного кода?
До перемены земной оси?
До вывернутости наизнанку
эквilibристических способностей
и навыков, как это было у Майкла Джексона,
а ныне у сонма экранных демонов и демонят?
Мысль, доведенная до конца, обрушивает мозг.
Жажда прыжка взрывает мост.
Человек перешел через свой предел,
он болван не потому, что не смел.
Человек, идущий до конца,
не увидит своего лица.
он не откроется ничему,
прорываясь сквозь вечную в себе тьму.
Он думает, что в вечность прёт,
а он всего лишь землю в себе целановскую жрет.
Посреди бесчисленных в душе колец
лежит наше начало, оно и конец.

И потому наше желание идти до конца
означает возвращение к месту,
откуда мы вышли, спустившись с крыльца.
Но если совсем уже до конца,
то значит до обретения подлинного своего лица,
когда ты вспыхнешь – и тебя нет.
Сколь не ищи, ты видишь только свет,
предметы исчезли, морок ушел,
тебя не коснется ни мор, ни глагол.
Дойти до конца, значит выйти за мир,
когда он заношен до тысячи дыр

***

Я потихоньку раздаю картины из своего собрания,
прекрасные, но мне не нужные уже картины.
Я раздаю прекрасные книги из библиотеки,
которую собирал всю жизнь, том за томом,
с надеждой.

Отпускаю на свободу накопленные
за десятилетия мысли,
запертые и уставшие от плена, чудесные,
но поистрепавшиеся мысли,
не имеющие вне контекста никакого смысла.

Я отпускаю на свободу иллюзии
концептуальной мудрости,
теории и доктрины, религиозные бесспорности,
пора им бродить в полях, на горах и в долинах.
Пусть их потчуют козы и овцы,
а охраняют собаки и пчелы.

Я отпустил на волю всех друзей и возлюбленных,
ведь никто из них не выносит искренности,
ничто кроме лести не интересует людей.
Играть в поддавки с самим собой –
пора оставить и эту смешную радость.

***

Вот тебе – пиши; какой простор!
Ты не переводчик, ты не вор.
Складываешь тихие слова.
Что соревноваться? – черта с два.
Тихи вздохи, всхлипы, молчалив
сада и могил в саду мотив.
Все мы меж могил давным-давно.
Ставнями прикрыто в ночь окно.
В ночь, где ты да я, да мы с тобой,
да Господь, представший вдруг водой,
что бежит по желобу, бежит,
в бочку падает, блажит, дрожит...
Засыпая под господен звук,
мы смыкаем звезды наших рук.

***

Откуда эта ночь и звезды,
откуда этот гам и шум
и ветхие вопросы, слезы
и фразы, лезущие в ум?

Откуда этот Бенн и Рильке
и почва, полная червей,
ироний миллионных шпильки
и первый в жизни соловей?

Откуда хлябь полунамеков,
мерцаний странных лёт и бег
и вкус во рту, медов и маков,
и бесконечный сумрак знаков
и гроб, сколоченный как век?

Декабрь 2018

С КЕМ?

Я не помню того, что я знаю. Я забываю свои личины и лики. Мне не узнать того, что я узнал и запомнил. Я отделен от себя почти непроницаемой пеленой. Вьюгой, метелью (сколь пушкинской, смещающей все браки, но и сверхпушкинской уже давным-давно), пургой, туманом, смогом. Гнездовье одиночества. Никогда не быть богом. Бог помнит всю свою память, все свои превращения и самообманы, бог – это качество жизни, процесса, почти вырывающегося из колеса иллюзорности, из нескончаемого кинематографа. Что проку от моих рождений, если я никогда не возрождаюсь. Если я всегда в полупробуждении. Если ты заперта в кошачьем взгляде. Много ли я узнаю, заглядывая под каждый куст, вжимаясь в каждые уста? Как пуст изустности искус. Всего лишь музыка – слова, и сочетанья рук, и кожи встречной шелест.

Взбешенность – вот что стоит между людьми, лелеющими себя, свою мнимую или допускаемую причастность к дионисийству; между человеком искусства (искушаемым) и человеком шляющим, шалтай-болтайным, мутно-никаким: восхождение бесов, беснование возмущенных непроницаемостью – ни зги, ни намек на следы Орфея. Одиночество во все концы. Никуда не доскакать. Заселят Марс, и канитель будет нескончаема. Но до себя не долететь никому. Слишком близко. Сила прыжка выбрасывает тебя неизменно далеко, и возврат становится почти невозможен. Взбешенность слишком велика, чтобы перестать искать пути в никуда. Потому остается комната и исход из нее. Божество не страшится исхода и не ищет его, ибо проживает нигде. Ты же поселен в комнате, названной мирозданием. Куда исход? С кем ты разговариваешь по ночам, если тебя нет?

ЛАБИРИНТ

– Знал ли ты женщину, которая мечтала бы, нет – действительно желала бы забеременеть от бога? О нет, только не рассказывай мне о юных лицемерках из католических приходов. Я имею в виду настоящих женщин, способных смотреть в лицо, а не кидаться за очередной экзотикой.

– Но разве бог – это мужчина? Разве он не качество нас самих, которое непрерывно от нас ускользает, разве он не качество процесса, который морочит нам голову?

– Неужели богу интересно морочить нам голову?

– Ты бы начал с того, чтобы следить за богами. Послушай как-нибудь, как они проникновенно щебечут и молчат в каждой бутылке и склянке, в каждом колоске и в каждой сороке. Понаблюдай за тем, как непостижимо терпеливо сносят они свое плененье.

– Неужели и сам Бог тоже в плену?

– Но разве мы можем представить другого Бога? Разве мы можем представить чистый дух? Разве мы можем представить себе что-то не антропоморфное? Неужели ты думаешь, что сорока видит сороку так же и такой же, как мы, а стрекоза – стрекозу? Оставь надежду познать мир, оставь, сюда входящий. Мы даны сами себе в тысячах зеркал, и нам не выйти из этого лабиринта.

АСКЕЗИС

Что значит «путь»? Иди или не иди – суть разве изменится? Все только и заняты беготней, все только и делают, что торят себе путь наверх. К власти, конечно, к сиятельным ценностям, к богам. Все торят себе пути. Разве сегодня философствуют не ради всемирного успеха? Разве кто-то живет в тишайшем самосозерцании? Если так, то он не сообщит никому ни фонемы. Но к чему тогда толпы болтунов, неизменно красочных и красноречивых. Впавший в аскетизм не плотского порядка разве сообщит кому о своих опытах? Преодолеть «Я» разве значит навязать его каждому углу и каждому студенту? Разве это значит захлебнуться этим «Я» как блевотиной и вообразить себя до самых кишок мессией, комиссаром ничтожеств? Научившись презирать человеческую «мразь», бесконечную череду «неудач природы», как сможешь ты уважать полководца этих полчищ, кому воздаются королевские почести? Вот почему, мой мальчик, столь тих и всегда неузнан чайный путь, не трогающийся с места. Нет аскета в своем отечестве. Нет и не бывает перемен в том, кто к ним стремится.

Утраченные заветы

Абхазские заметки,
дневниковые тропы

Абхазские заметки

Всё, чего мы ждем, мы должны ждать от самих себя, лишь от самих себя.

Не есть ли движение чистых потоков (разной степени интенсивности) – сама сущность превращения? Не есть ли чистота – сущность того, что мы именуем бытийной (не товарной) красотой? Филигранность форм и пропорций мы можем продать, чистоту мы продать не можем. Всё продаваемое нечисто.

Бытие неприкосновенно – вот в чем суть игры. Вот почему касание есть акт священного контакта.

Томас Манн в эссе «Вертер» пишет о тяге героя Гёте в даль, в бесконечность, в абсолют, то есть в смерть. Куда мчишься ты, Русь? – спрашивал Гоголь. Куда устремляется вся наша цивилизация, очарованная далью, отрицающая самоценность вертикально нарастающего ландшафта? Древние повторяли круги, длили одни и те же ритуалы тысячелетиями. И им не было скучно. Ибо в осязаемой близости богов скука немислима. В даль устремляет только ужас. Любая страстная устремленность приводит к печали. Мозг должен успокоиться и стать совершенно пассивным, только тогда «откроются врата».

У жизни нет пробелов, она всегда значительна и неустанно трудится... Вдруг после тепла холодная погода, дождь – май месяц. И явственная красота этого холода, капли на стеклах, гонимых туч, пустынного озера...

Вспомнил, как на сорок четвертом году жизни вдруг ощутил красоту березы.

– Вы говорили, что плохо знаете меня. А что значит: знать человека?

Вдруг пришло давнее воспоминание. Лось стоял в странно замершей позе (очевидно, такова вообще поза зверя для человеческого взгляда), и она увидела его первая, выхватив из острых, переплетенных в бесконечных сочетаниях осенних рельефов эту упругую темную фигуру рядом с березами. Всё живое ее взгляд схватывал моментально, с катапультирующей быстротой и четкостью, как будто ее кровь откликнулась на голос чужой, но тоже звериной, крови. Она вскрикнула и показала на лося. Лось посмотрел на нас внимательно и спокойно, прыгнул и скрылся.

Собственно эстетического фермента для бытия великих стихов нужно совсем немного. Ослепительная красавица есть факт вульгарности. Важна не красота, а открытие ее, открытие ее истока, обнаружение его там, где ты пребываешь, где (так уж получается) никто ее не замечает. Но не для того обнаружение, чтобы сообщить об этом «всем». Ни в коем разе. Напротив: не разгласить, утаить. Разве любимая станет менее прекрасной, если ее красота по-прежнему видна только тебе? Ведь Бог-то – на твоей стороне.

Улитка с прекрасным желто-золотым панцирем движется в угловом пространстве ступеньки сада, ведущей к почти пересохшему (лето) горному ручью (мы поселились в ущелье Цихерва). Сколь громаден для нее этот мшистый угол! А что человек, бегущий по шарик и заглядывающий в каждую «подворотню»? Чего он ищет, ненасытный и ненасытимый? Треплющий языком о *чань*, сама суть которого и есть искусство оставаться улиткой, «не выходящей со своего двора». Чего он ищет, чего он рыщет? Разве количество впечатлений имеет значение? Вспом-

нился персонаж «Матисса» Иличевского, изнуряющий себя погоней за бесконечностью экзотики и экзотических впечатлений-ощущений. Погоня и есть его жизненное пространство. Но за чем он гонится? Он раб своей ненасытимости, чудовищного вируса. Так и видишь, как талантливый писатель с поэтической стрункой, эстетик-словесник Иличевский подумал: о чем еще не писали? Да вот же: еще не показывали подземную Москву глазами полусвятого-полубомжа... Успех роману был почти обеспечен. Еще Толстой писал, что французы понимают любовь как выверт. Сегодняшняя литература вся стала французской: всё в ней стало вывертом. «Но ведь ты же наслаждался текстурой романа, – говорит во мне критический голос. – Да, – отвечаю я, – но наслаждалась-то моё поверхностно-суетное я, моя филологичность, а отнюдь не моя глубина». В реальности (а не в литературе) качество впечатлений неизбежно устремляется к нулю при устремленности к количественной бесконечности. Количество переходит в качество только при патологических процессах.

На той стороне нашего горного ручья сияет, среди других дикорастущих, огромная абрикосина уже (конец июня) с желтыми крупными плодами. Она почти нависает над крутым склоном и подобраться к ней невозможно. Неужели она домогается человеческого участия? Разве она цветет и плодоносит ради кого-то? Ничуть. Природа сама в себе собою цветет и плодоносит, и красота в ней не есть спецэффект, равно как древние греки не умели делать не прекрасные вещи именно потому, что не ставили такой цели и были почти равноприродны.

Скажу нелепую вещь: человеку следовало бы писать (дневники, стихи, романы) так, как растет, цветет и плодоносит это могучее фруктовое дерево внутри чащи: без всяких надежд на чье-то восприятие. Ведь

и космос, порождая в непрерывном росте едва ли постижимые нами (на пределе наших способностей восприятия) плоды смыслов, интуиций, чувств (а также абсолютных нам неведомостей), вовсе не планирует нас в качестве реципиентов. Восприятие этих плодов было бы максимальной точкой нашего *роста*, нашего движения к зрелости на пути к нашему собственному истинному (внеговарному) плодоношению. Вне солнца *такого* восприятия мы будем вечно в тени, выдавая зеленые плоды иллюзорностей.

У европейцев атрофировавшееся сердце и гипертрофированное Я. (Вождь индейцев едва ли ошибался в беседе с Юнгом). Естественно, модернизированные русские устремляются по этому широкому пути. Нации потому и аннулируются фашисткой идеей глобализации, чтобы завлечь в ловушку «мы все европейцы». Это словно бы индеец захотел превратиться в «стопроцентного» американца. Не правда ли, отвратительно? Что сказала бы на это Гея?

Переселяясь в другие, дальние страны, человек отчуждается от растительного мира детства. Вместо ольхи и рябины он видит каждый день кипарисы, эвкалипты и пальмы. Детство в нем из пластически-пахучей сферы переходит в сферу виртуального. Он вырастает в иное, не чувствуя его сути. Он пытается эту новую суть понять, доказывая окружению свою пригодность и естественность причастности. Но как раз этой естественности причастности и неоткуда взяться.

Мне возразят, напомнив о Джозефе Конраде (Юзефе Конраде Коженевском). Но я возражу ответно, заметив, что Конрад – писатель-этик, подобно Штифтеру или Сент-Экзюпери, а сфера этического, *этического тела* освобождает человека от гнета чувственно-эстетических рецепторов.

Древнейший абхазский христианский храм в Пицунде, начала нашей эры: предельно простой по архитектуре, почти коробка с маленьким крестом на маленьком куполе. Никаких устремлений к «красоте». То же самое в Абаате, здесь второй век, а храм миниатюрный в сравнении с пицундским. Но тоже внешне почти убогий, кладка большими камнями, скромнейший крестик на крыше при входе. Предельная простота, истинная аскетика внутри. Таковы же древние армянские храмы: и в Крыму, и в Армении. Как верна здесь форма! Никого не зазывать, не прельщать, не завлекать красотами, как это стали делать позднее, особенно на Западе. Христианство очень быстро умерло от прельстительства, утонув в горделивости и чванстве. Измыслили тезу: красота – это истина. И в этом вопиющем самообмане потеряли первоисток.

Что утрачивает человек, после чего ему становится пусто, скучно и ничтожно? Он сотворен в качестве определенного инструмента с большим диапазоном свободной воли. Это самое решающее его свойство: открытые пути самоуправства. Так что эти его миллионосчетные конвульсии то в то, то в это делают его безумно рыскающим в бесконечности. Конечно, не сносить ему головы, ведь он совсем утратил связь с землей и небом, со своей корневой интуицией. Он мечется как уторельй, покрывшись испариной. К тому же он ничего не видит и не слышит кроме шумов своего «я».

– Какое ваше настоящее лицо?

– Ночью шел дождь, а увидели его только утром.

Этот коан – творение покойного Саши Белокопытова.

Владимир Соловьев о свете, который излучают все любимые. Г. Гауптман: «Быть поэтом – значит позволить, чтобы за словами прозвучало Пра-слово». Пра-слово, конечно, светится.

Сколь иллюзорен смысл тривиальности о единстве «истины, добра и красоты». Прячась в эстетизм, твердят, что устремляются к истине, хотя в современном мире красота почти полностью уместается в объемах сексуального. Истина существует одна-единственная – истина о самом себе, о том, кто ты есть, каковы границы твоей искренности, ее пограничные зоны, твои подлинные и наносные желания, страхи, симпатии. Истина о том, что подлинный, одинокий ты себе не известен, ибо ты никто и ничто. Дальше этой истины тебе не продвинуться.

Возвращаясь к старой теме. Симона Вейль в частном письме по поводу начала Евангелия от Иоанна: «Само то, что др.греческий Логос переведен на латынь как *Verbum*, показывает, что нечто утеряно, ибо Логос означает, прежде всего, «связь» и у Платона и у пифагорейцев является синонимом для *arithmos* (число). – Связь, т.е. соотношение. – Соотношение, т.е. гармония. – Гармония, т.е. посредничество. – Я перевела бы: в Начале было Посредничество».

Интуиция у Симоны изумительная. Греки ведь осознавали/чуяли космос как одушевленное существо. Кстати, Рильке тоже чуял космос прежде всего как великую душу. Для него изначально-первоначальной тоже была чистая связь (*reiner Bezug*): соотношение, струна, тяга, тяготение, сопряженность, совлеченность. Чистая тяга-связь двух сердцевинных центров. В космологическом смысле: чистое тяготение чистых сил, которое непрерывно возобновляется, так что Начало происходит вновь и вновь. В этом мистическом смысле грязные силы (зло) не могут участвовать в космической невидимо-сердечной сопряженности, в этом диалоге со-тяги, со-шепота, со-нежности. Они вне бытия, сколько бы ни демонстрировали иллюзию своих сил. Они –

в крошечной тьме. Таков весь грязный танец эстетики. Там, где Начало нам не Посредничает, чистая связь не образуется.

«Актерская» цивилизация, внутри которой мы оказались, делает вид, что всё прекрасно и всё действительно.

Современный человек катастрофически утратил личную свободу, спелёнатый общественными мнимостями, но этого почти никто не замечает. Всеобщая эйфория. Общество со своими «страстями» почти полностью поглотило индивида, пиная его словно мячик. Большинство людей даже еще и хвастаются количеством пинков: «как я всем нужен!»

В 60-80-е годы у нас была простота и ясность в различении сфер свободы и несвободы; осознать объемы психических полей было по силам почти каждому. Ныне многослойнейшее рабство тончайше закамуфлировано.

Жадность. В том числе жадность к знаниям, похоть любопытства, самоутверждения за счет складирования впечатлений, друзей и т.д. Такая несвобода раньше (перечитаем Альберта Швейцера) не могла и присниться. Мне думается, поколение моих родителей было последним, свободным от жадности.

Актёр Евгений Миронов в «Белой студии» о том, как он однажды после опыта игры князя Мышкина попытался «хотя бы одни сутки прожить без вранья» и как ему это не удалось. Затем он начал юлить и оправдывать себя и всех нас тем, что быть правдивым – это жестоко, что иногда надо врать из сострадания к людям, ибо правда часто ранит или страшна. Я невольно рассмеялся, наблюдая за конвульсиями ак-

тера. Ведь Мышкин-то просто-напросто был естественно-дыхательно искренним. Он ничего не искал у людей кроме ответной искренности, он ничего кроме этого не домогался. Мионов же человек самоутверждающийся (директор какого-то театра), он в постоянных алканиях любви и внимания к себе, он тщательно отслеживает те плюсы и минусы, которые ему ставят люди. И если он, скажем, желая не лгать, не подаст руки тому-то и тому-то важному лицу, он вскоре потеряет наработанные дивиденды, потеряет роли, а может быть и директорство и т.п. Он станет юродивым, ибо род изолгался.

Три стиля: романтический, мистический, реалистический. И в поэзии тоже. Конрад, Штифтер, Лев Толстой.

Человек, не любящий корневище своего отнота, не сочувствующий ему до слез сердечных, а думающий, что он избрал другой этнос для свободной любви, на самом деле не прикреплен к геокосмическому центру и любит лишь свою впечатлительность и «сенситивность». (Перечитывая сцену из жизни семейства Ростовых). Придумали термин «человек мира», дабы избежать старого, весьма жесткого термина – космополит, что означало: совершенно головное существо, потенциальный предатель. Взгляды легко поменять, а сердце либо есть, либо его нет. Разумеется, можно знать и любить культуру многих стран, но это уже (всего лишь) профессия.

Для свободы, для того, чтобы прожить жизнь, не спрятавшись в подпол, нужна сила духа. Ныне она массово заменена цинизмом и нагловатостью, развязностью.

Прение навоза культуры такое, что порой задыхаешься.

Запряданность в фантоме времени. Внеаходимость. Ты есть предел: в тебе что-то заканчивается. Но что именно и во имя чего? Во имя кого?

Материальное изобилие и материальная мощь современных землян есть великий соблазн, не преодолев которого, дух человека распадается.

Никогда не мог понять, как можно с интересом читать книгу, где герой либо пустейший малый, либо глупец, либо эгонарцисс. То же самое – в отношении кино. Мне совершенно не интересно вникать во «внутренний мир» негодяя или субъекта с разрушенным центром.

Современные романисты созидают образы «героев и антигероев нашего времени», воспроизводя в том и в другом случае абрис биографий патологических. Автор обычно не понимает, что пишет автобиографию, ибо, погружаясь с интересом, тем более «с любовью» в другое эго, ты частично становишься им, ты открываешь свое потаенное. Таким вот макаром блевотина человеческих психик вползает в романы и в прочие жанры, разрушая остатки читательских и зрительских анклавов чистоты.

Расползающиеся во все стороны шлянья и лжесозерцания героя, то есть воля-к-суетности подается едва ли не как путь роста. Современные художники парализованы идеей движения, но понимают его именно как суетность. Герой зашлаковывает себя до предела, однако самооценка его ничуть не падает, скорее наоборот.

СМИ и прочие демоны заманивают нас как бы в простое, ни к чему не обязывающее глазенье, однако постепенно, но неуклонно сбивают весьма многих

ни много, ни мало с их судьбы, втравливая в совершенно чуждые им судьбы, рефлексы и помышления, активизируя чувства и инстинкты, которые они давным-давно превзошли, но здесь силой массового эгрегора они сбрасываются с того холма, на который они уже когда-то взойшли, и был уже виден перевал. И вот они снова барахтаются в эмоциях придурков и негодяев.

Представил себе Ницше, смотрящего изо дня в день бандитские киносерьезы, где шлюхи двух полов представлены одни – положительными, другие – отрицательными персонажами. Зачем отроку, чей подлинный внутренний путь – авантюра мысли и мышления, впутывать себя в современную визуальную паутину? Сколь безмерно велик грех кинематографа и иных искусств!

Симуляция поэзии и поэтического чувства, движимого влечением к «небывалым опытам» и темпоритмам, симуляция, активизированная Батаем и иже с ним, а затем шпаной постмодерна.

Для кого можно писать (если исключить старую мысль: для себя)? Конечно, для наивных и чистых сердцем, но не для «экспертного сообщества», которое в большинстве состоит из пресыщенных господ, напоминающих старых развратников, которым подавай лишь то, чего они еще не попробовали; они неизбежно будут выбирать всё более циничные и извращенные формы.

Хотя роман Иличевского написан как поэтическая медитация (безусловно талантливая), его героя волнует только внешнее, и даже когда автор пускается в пассажи о внутреннем, оно обретает овнешненные формы. Это переполняет себя внешним, сонмом вещей, яростно-безумно набивая свое безразмерное

чрево ими. Из этой больной, азартно-тщеславной перечислительности и строится-сплетается нерв романа. Он строится конструкциями вещей, предстающих чудовищным хламом времени, влюбленность в поглощение которого автор изображает в качестве почвенно-страстного иррационального чувства жизни. Коллекционирование – вот модель идеала и идеальной схемы жизни. Ни одна вещь не предстает предметом любви, герой хватает их одну за другой, отбрасывая в бесконечном потоке бегства словно использованных женщин, являющихся таким же хламом, как и всё вокруг. Идет поспешная каталогизация мира перед очевидным его концом.

За каждые отношения с женщиной я жестоко расплачивался. У всех ли так? Как близко к сути lamentаций Экклезиаста. Уточню: за каждые серьезные с моей стороны отношения.

Мир перешел к забаве и развлечениям как к главному модусу и единственному «серьезному» занятию. Но человек, легко живущий, человек ли? Сплошь «странники» и дегустаторы. И естественно, комментаторы: реагирующие; всё и всех хотят пометить.

Давняя тема Томаса Элиота о полых людях сбывается до невероятия. Пухлый человек есть дитя бесплодной земли; но чем же он наполнен? Воображением. Оно делает его бесподобно богатым. Но чем богаче он становится измышленным, тем беднее реальным, «невыразимо-сакральным», не поддающимся оприходованию. Человек бытия молчит. Ему не о чем писать романы. Он сам свой роман. Фрагментарность Новалиса, Гёльдерлина, Рильке не случайна.

Бытие не поддается использованию. Всё, что используется – не бытийно.

Современное обыденное, «массовое» сознание раздуто изысканными истинами всех времен, мудрейшими инструкциями. Чашка полна до краев. В чем же дело? В том, что ты не найдешь в этой бездонной горе ту одну-единственную путеводную нить, которая есть твоя личная, изначально-спасительная.

Чувствительность к чувственной эстетике в нашей юге – высочайшая. Сколько голосов! Какая инструментальная техника! Эта взвинченность эстетского эроса дает иным художникам иллюзию, что еще чуть-чуть и они начнут схватывать некие принципиально новые вещи, принципиально новые смыслы, что произойдет чаемый прорыв в новую сферу легкого, легчайшего счастья, где уже не будет нужен сверхтрудный восточный опыт по вытаскиванию себя из глупости и омраченности.

В связи с биографией и личностью Анны Тютчевой. Русская бесформенность по истоку и сути есть бесформенность даосская. Чего понять до сих пор москвичи не могут. «Москвичи» – это уже некоторый класс, даже не клан. Центр «западнизма» переехал из града Петрова под сень теремов храма, построенного в честь блаженного дурачка Василия Нагого.

Жизнь висит на волоске как росная капля на кончике листа. С точки зрения Большого наблюдателя это именно так. Да, жизнь висит, но в этом ли ее суть? Как утомился я наблюдать за красивой желтоватой крупной улиткой, ползущей утром после дождя по стволу самшита в саду на дне ущелья. Ползла она невероятно медленно. Мне казалось, что в ее жизни

ничего не происходит. Но разве это так? Ее вселенная полностью от меня закрыта. Ритмы ее сознания никогда не пересекутся с моими. Сознание улитки доступно лишь сознанию Мирового Орла. Такова логика смирения. Тебе остается лишь склонить голову перед сонмом неведомого и навеки запечатанного. Тебе открыта лишь крошечная часть постижимости, но и она громадна до дрожи в коленках...

Как это банально! – говоришь ты, перечитывая этот свой пассаж. Но есть истины, которые нуждаются, чтобы ты напоминал их себе время от времени.

Мы привыкли видеть в актерах мелких тщеславцев, не имеющих ничего собственного. Но, быть может, у них есть одно преимущество: реализовывать точную интуицию, что каждый ближний и есть ты сам. Смоктуновский приближался к этой форме интуитивности.

Рильке: принцип поэзии – вслушивание и послушание; их единовременная реализация. И в самом деле, разве не за непослушание был изгнан человек из Рая?

Подавляющая часть самых задушевных, лирически и ментально тонких моментов жизни и переживаний не могут быть переданы никакими описаниями. В них нет никакого сюжета и вообще никакой формы, способной быть уловленной вербально. Летнее каникулярное время, когда мы: я с двумя мальчиками-одноклассниками (все мы перешли в восьмой класс, один из них Коля Шулешко), – помогали малярам ремонтировать второй (деревянно-двухэтажный: истинный шедевр северного плотничьего зодчества) корпус нашей школы, а потом просто лежали в саду на траве и беседовали ни о чем, покусывая

травинки во рту. Эти простые парни были удивительны, кроткие и мудрые, хотя и сильные физически. И вот между нами создавалось волшебное поле, которое никак не выразить, не определить. Тончайшее по невыражаемой нежности и фоновой доброте и некоторой, я бы сказал, даосскости, отсутствию в воздухе над нами какого-либо намека на прагматику. (Впрочем, чего-то важнейшего я все же здесь не ухватил). Это поле никогда больше не повторялось. Оба юноши после восьмого ушли: один помогать отцу-строителю, другой – в металлургический техникум. В начальных классах я дружил с подобной же чудесной троицей. Это сердцевинная русская порода: статные внешне и внутренне. (То есть в моем восприятии). Ни малейших амбиций. Сила не нуждается в демонстрациях.

Почему некоторых людей тянет восхождение в горы? С высотой и оторванностью от городов изменяется сознание. Оно изменяется столь радикально-стремительно, что вызывает тихую празднично-метафизическую эйфорию, не нуждающуюся в коммуникациях. Самое это изменение сознания ведет к познанию. Но, разумеется, для всего этого нужна предварительная связь со своим сознанием.

Естественность и правдивость – два высших блага. Преступая против них, мы потом страдаем совестью. Каждый такой случай время от времени всплывает тяжелой болью. Кажется, что из-за этих ошибок ты потерял возможность неких архиважных встреч. «Если во встречах не расти, то зачем они?» – как говорил поэт.

Было бы интересно показать в романе столкновение людей из трех разных жизненных фаз. Что означает тот триумф, что художник может быть в жизни

мерзавцем, а в творчестве гением? Только то, что он живет на чувственно-эстетической стадии. И красота, которую он воссоздает, это эстетическая красота. То есть он всего лишь эстетический гений. Ничуть не более.

Непосредственно выразить в жанре романа жизнь души человеческой, конечно же, невозможно. Этическая жизнь не поддается наблюдению извне. Описанию поддается лишь пограничная сфера между чувственно-эстетическим и душевно-духовным. Но ходоки даже в этот жанр редчайши.

Довольно опутимая часть русско-российских людей ведет себя подобно тому, как спонтанно-небрежно выявляли свою жизненность наши юродивые. Это весьма раздражает западных людей, равно и тех, кто успешно подстроился к западным логотипам. Но разве юродивые были паиньками, разве они не были наглыми, вульгарными, нахальными, «дурно воспитанными»?

Сегодня все писатели. А тем, кто еще не пишет, рекомендовано немедленно найти в себе «точку жжения» и начать писать. Я бы рекомендовал всем стать композиторами, ибо это еще проще: извлекать звуки из «точек жжения», ведь всегда нам где-то что-то жмет, всегда нам чего-то недостает, всегда есть место, которое хочется почесать. Но еще лучше, если все станут священниками, это ведь вообще самое простое и самое приятное, достаточно одной-единственной и поистине всеобщей точки жжения – в области тщеславия, то есть страстного чувства к себе. Где зудит? В сферах известных.

Современная цивилизация учит людей всё делать плохо, непрофессионально. Вездесуща «американ-

ская» мысль о красоте постоянных смен профессий. Между тем чтобы, например, стать хорошим учителем, одаренному человеку необходимо по меньшей мере десять лет упорного труда: для вызревания как узкопрофессионального, так и общементального. То же самое можно было бы сказать и в отношении профессии печника, строителя, пекаря, медсестры и т.д. Чем только сегодня ни хвастаются. Но я не помню ни одной приличной русской печи, сложенной за последние лет этак сорок. Ни обогрева настоящего, ни многосторонней точности, ни задушевности. Любой болван может сказать: я печник.

Будьте сами себе храмом и исповедником и священником. Будьте сами себе землею и небом. И пусть дыхание ваше станет духовным. В свете и во мраке. В ночи и в утре. Будьте пустынным храмом в забытом людьми ущелье. Ныне храм должен быть пустынен. Пустынен, но не брошен.

Виртуальное могущество – вот идеал нового типа цезаризма. О творчестве жизни никто уже не помышляет.

Телега, несомненно, «божественнее» автомашины, и свидетельствует об этом не разум, а непосредственное чувство существа, еще не отравленного тщеславием. Само понятие «произведение искусства» было деградационным шагом к стадии фабрикации и всего связанного с этим инструментария махинаций. Художественность в этом «производственном процессе» никак не может быть чистой. Здесь всегда умысел восхитить и продать. Эстетическая рафинированность и изощренность всегда были и будут знаком упадка духовной и этической сфер. В эпоху кали-юги будет продолжаться неслыханный рост эстетической талантливости.

Соответственно дарования этические и духовные будут оставаться осмеянно-незамеченными, ибо от них будут требовать блистательных эстетических оболочек. Скоро даже священник будет невозможен, если он не поет, или не танцует, или не играет на гитаре, или не пишет картины. Следующая война будет войной талантов, они сойдутся, чтобы перегрызть друг другу глотки, ибо их станет слишком много для ограниченного пространства.

Пожив пару месяцев в удаленной деревеньке, невольно вращаешь в небо. Большие города уничтожили небо. В этом и была их главная задача.

Наивнейшим образом считается, что искусство не причастно к деградации человека, к антропологической катастрофе. Но если не причастно оно, то кто же и что же причастно? Кто помогал формировать эгосознание?

Где возможный исток «сладкой гнильцы»? Пускаясь в игру, из век в век расширяя ее зону, так называемые художники теряют порядочность как тот предрассудок, который мешает их порывающим со всякими ограничениями опьянениям, действуя уже из энергий этой лжераскрепощенности, из этой профанации свободы. Так подлость входит в сам субстрат, в самую ткань, в клеточный уровень эстетики. Учат не запреты, учат сладкие игры.

Древние греки называли чужеземцев варварами не потому, чтобы считали их культуру более низкой или низменной. Вовсе нет, греки были достаточно умны. Причина отчужденности другая. Для греков их города-полисы, города-деревни были семьей, домашним очагом, контактирующим с космосом, и закрытость была естественной формой любви к семье и охранения её, обережения её целомудренности, то

есть самой её сути. Изгнание из крошечного, по нынешним понятиям, полиса, было для грека страшнее смерти. Ибо это было изгнание из семьи. Мы знаем, что такое «открытая семья»: блядская, по справедливому определению Розанова. Распахнутость влечет целый фонтан ужасных влечений: например, любопытства к *другому* в самом широком смысле этого слова. «Благожелательное гостеприимство» ведет к обесцениванию своего, единственно-уникального. Семья распадается или загнивает изнутри. Собственно, с распространения контактов с «большим миром» и началась деградация космического чуда полисов.

Мы, современные образованцы массового калибра, находимся, увы, в фазе прекраснодушия, воображая человека существом, в общем-то, «хорошим». Нам так хочется прожить уютную жизнь среди «добрых христиан» европейцев, до уровня которых, как нам кажется, мы наконец-то доросли. Какое невежество! Какое незнание истории! Какой самообман! Поставленный в условия полной свободы от какого-либо контроля извне, от любых юрисдикций или другой внешней грубой силы, современный человек (в своей массе) становится скотообразным. Об этом мне рассказывал еще отец, повествуя по моей просьбе о мытарствах нашей семьи на очень северном Урале, куда их привезли в товарных вагонах с Дона и бросили в тайгу в ноябре месяце 1928 года, снабдив лишь топорами да рукавицами. Десять лет они выкарабкивались из этого ада, выжив лишь благодаря природному здоровью да чуду доброты двух братьев по фамилии Серпуховитиновы.

Пленка культуры поистине тончайшая вещь, хрупкая подобно утренней росе. Мы видели, как ведут себя французы, немцы и иные этносы на территориях, где *дозволяется всё*. Мы видели, что творили «добрые американские парни» во Вьетнаме.

Толстой жил духовно-этической (бытийной) стадией уже в эпоху написания «Войны и Мир». Ср. эпизоды соблазнения Наташи Ростовой. Наташа смотрит в опере спектакль. Всё ей кажется деланным, измышленным и смешным. Она чувствует пустячность происходящего на сцене и в самом театре. Это взгляд Толстого. Но вот появляется Элен и «научает» ее восхищаться химерами. И Наташа подстраивается к этим правилам «хорошего вкуса». Уже тогда Толстой чувствовал внебытийный характер большей части произведений искусства. Так постепенно он «вывел за скобки» значительную часть культуры. В том числе и тех интеллектуалов, которые, всецело пребывая во мраке чувственно-эстетической стадии, анализировали путь духовидца.

Знаем ли мы, как воспринимает красоту улитка, ползущая величественно-бессмертно в одном из абхазских ущелий в конце июня 2018 года н.э.? Слово «красоту» следовало бы взять в кавычки, ибо понятно, что это условная чисто человеческая категория, изобретенная в новое время. Или собака, мирно наблюдающая за пространством дуга в полузаброшенной русской деревеньке в конце августа того же года? Красота для улитки, равно и для собаки есть не-красота, как учил еще Будда Гаутама. В восприятии улитки и собаки нет категории некрасивого. Красота, понимаемая как не-красота, есть, конечно, форма эроса. Эрос вездесущ, но многолик и безконечно оттеночен. В юности, томимый жаждой соединения, я влюблялся по пятнадцать раз на дню в мелькнувшие образы женской красоты. Зачастую они не имели ничего общего с общепринятыми представлениями о канонах.

Но, обобщая, можно сказать, что типов красоты столько, сколько типов мироощущений. Их ныне,

в общем, три. И сколько ни настаивай и ни пропагандируй, ты никогда не заставишь человека чувственно-эстетической (похотяще-тщеславной) стадии, то есть осевшего в наслажденческой эстетике, всерьез воспринимать красоту мира человека стадии этически-духовной. Не пытаюсь куда-либо себя причислить, просто констатирую давнюю мою отчужденность от подавляющей массы искусства во всех жанрах, в том числе поэтических. Ничего кроме безобразия в творениях множества знаменитых авторов я, по честности, никогда не видел. В принципе это так просто: быть верным своему истинному, глубинному восприятию, не поддаваться на то, что нравится твоему поверхностному, пребывающему в плену у «толпы», «Я». Прислушиваться к изначальному Логосу (читаем Гераклита сквозь призму Хайдеггера), а не к логосу антропологическому. Человеку, живущему в чувственно-духовном измерении (плотское промьгто духом, вспомним чань), трудно найти поэта, который бы откликнулся на его чувство красоты (не-красоты). Ведь по существу он ищет дыхательный фермент юги предшествующей, двапара-юги, в то время как прилавки и интернет завалены назойливыми консервами кали-юги, юги черной меланхолии и скотского веселья. Розанов был недоволен даже Пушкиным, находя для своей душевочки отдохновение в стихах Иоанна Дамаскина.

Поэзия есть всегда вновь и вновь попытка возврата к естественности, к той свободе от форм, что диктует пламя и лес, горный поток и ущелье. Культура стоит на границе между тайгой и городом, между непроходимой чащей и деревенькой, между ужасом непостижимой естественности и порядком расчерченных логосом угодий. Природа слишком естественна, этой мощью она нас сводит с ума. Но

ум наш пытается уничтожить природу, вычеркнуть ее бездонную сущность из миропорядка, сочиненного человеческим мозгом. Поэзия есть поле битвы этих двух воинов, сражающихся на границе двух юг словно на поле Курукшетру. Ее танец отчаян, ибо в нее летят стрелы и копья с двух сторон. Вот почему она вне мира, вот почему она чуточку космична. Так разве может быть у нее множество адептов?

Будь естествен: падай как камень. Будь естествен: пари как орел. Всё, что *есть*, то случается с нами; что не с нами – в закланиях горл.

Бог создал женщин как проклятие мужчине. Точило и горнило или мечь. Блажен, кто оказался выше в чине и не купился на вино и лесть. Типичная эпиграмма.

Разве прошлое должно быть отвергнуто только потому, что мы пребываем всецело в здесь-и-сейчас? Вовсе нет. Оно может актуально вновь переживаться в здесь-и-сейчас на более осознанном и внимательном уровне. Марсель Пруст.

В первых двух югах люди жили в измерении духовной красоты. Разумеется, нам даже намеком не дано постигать, что это такое. Любые наши фантазии тщетны. Здесь исток возможной бесконечной и смертельной тоски (Гёльдерлин, Тракль, Лермонтов). Двапара-юга была временем этических исканий, сползанием к черной юге. Сложнейшим переходом. Лишь ее противоречивая музыка еще как-то бывает нам в иные высшие часы и минуты дискретно понятна. Это атмосфера фильмов Тарковского.

Мне не по душе современная рафинированная высокотехнологичная поэзия, равно и рафини-

рованы, высокотехнологичные современные романы.

Мы как-то летом плавали по морю на кораблике. И вот, когда на один борт сгрудились всего лишь человек тридцать, кораблик серьезно накренился. Вот так и наш ментальный кораблик: еще чуть-чуть и перевернется от избытка людей на одном борту, в то время как на другом борту и по центру никого не останется.

О причине войн. Однажды я лежал в больнице. В палате было четыре человека. Тихий старик и двое пожилых, матёро раздутых обжорством бугаёв, которые безудержно орали, гоготали, рассказывая гнусные анекдоты, и матерились, как матерятся в аду наихудшие твари. Их ор был слышен даже в ординаторской через две палаты. Мне было и без них очень плохо и физически, и морально. Кроме того у меня на коленях лежал ноутбук с очень срочной и очень важной работой. Так вот, я чувствовал, как присутствие этих негодяев убивает меня. Увещевания на них не действовали. И однажды я абсолютно явственно ощутил, что жажду их убить. Что у меня нет выбора: или – или. Думаю, что наша планета для слишком многих сделалась такой вот тесной палатой. Так и хочется сказать: господа, разойдитесь по своим углам, не лезьте в общий свиной котел, забудьте о существовании друг друга, живите с деревьями и водами. Нельзя в нашу эпоху человекам жить с человеками.

Что есть поэтическая материя? Разве поэзия – только дух? Но быть может, сострадание к людям значительно более юным по кармическому хроносу, нежели ты сам, сострадание и умелая, умная помощь есть тоже форма поэзии? Ведь тот, кому так помогают, никогда не догадывается о подлинной причине

неожиданного «чувства локтя». Он думает, что его любят, но он никогда не поймет сущности этого чувства. Не поймет, пока не повзрослеет. И в самом деле, разве так уж благородно – побеждать совсем неопытных в делах земных, еще растерянных, еще обуреваемых всеми видами соблазнов, жажда и лже-поэтических влечений, легко побеждать, потно-жадно насыщаясь тщеславием-на-час? Никто никого не лучше. Но одни – юны, другие – в зрелом возрасте, а третьи прощаются с Землей. И это еще одно поэтическое действие, быть может, самое таинственное. Юным взрослым его не понять. Не чувствуем ли мы порой некой неиссякающе-необъяснимой загадочности, общаясь с уже давно знакомым человеком. А ведь он всего лишь (!) кармически нас значительно старше, он видит мир и людей несколько иначе, и воспитанию это не подвластно. Или чей-то взгляд с соседнего столика в кафе внезапно задевает вас так, что вы еще несколько дней будете наслаждаться им, не понимая, в чем дело. А это просто оказался человек в точности вашего кармического «года и месяца рождения»; ваши взгляды на каждую вещь и даже на каждую мелочь, на любую деталь мира – резонансны. Души одной степени пониманий и непониманий. Всего лишь обмен взорами, и искра полетела в космос. Вы посочувствовали друг другу. Но не дай бог сойтись миллионам тщеславных (кармических) юнцов в одном мегаполисе. Это и называется мир в коллапсе при видимости непрерывного карнавала.

Языков описания мира невероятное количество; вспомним язык рыб, тигров или тихих пауков; уже не говорю о языке степных трав и всех существ, которые нами невидимы. И с чего мы взяли, что наше описание лучшее? Потому что так решил господин Гегель или товарищ Маркс? *Человек* – звучит отвратительно; злобно-трупным запахом пахнет человек,

неужели этого недостаточно, чтобы усомниться в правильности его языка описания. Правильный язык описания нежен и непритязателен, он не претендует на насилие и покорение; святой язык описания не обладает задатками любопытства и вскрытия. Отправляюсь в странствие на поиски этого наречия, этого тихого говора, глубже ментального вечера, выше рассвета-диспетчера. О аллилуйя веков!

Почему я не хочу говорить из своего сумрака, из той неясности, в которую я погружен по истинности своего положения? Почему я говорю сплошь из шаблонов мнимой осмысленной явленности, фальшивой определенности, лицемерной внятности? Какой страх побуждает меня держаться придуманных не моим умом контуров, видеть предметы, которых на самом деле нет и которые мне навязаны, навязаны моей трусости. Отчего я покоряюсь образу самого себя, мне извне преподносимому?

Поразительна жажда самооправдания. Во что бы то ни стало изъяснить свою жертвенность. Свою никем не понятость. (И в самом деле, если я точно знаю, что я никем не понят, что все истолкования меня всеми, со мной соприкасавшимися, ложны, по сути заранее придуманы, то есть надуманы, ибо берут за «факты» случайные, неверно понятые впечатления, истолкованные по готовым пропагандистским клише, то не значит ли это, что и все остальные люди в таком же положении? И что тебе грозит участь не только быть и пребывать непонятым, но и остаться с ворохом ((чудовищно большим)) ложных пониманий и истолкований. Мало того, что ты никем не понят ((да и кто даст себе этот труд, если все заняты тем, как они выглядят перед телеобъективами человеческих толп. И к тому же: даже если кто-то и выслушает всю твою громадную подробнейшую исповедь, разве же он верно это воспримет и истолкует?)),

но ты еще и сам стоишь перед множеством совершенно неизвестных тебе людей, и чтобы понять хотя бы одного из них, тебе следовало бы прожить вместе с ним его жизнь. Что способен сделать только Господь).

Фридриху Ницше, тяжело страдавшему, больному с юных лет, немощному, физически неполноценному, биологическое здоровье должно было представляться вождеденной ценностью, той сиятельной благодатью, выше которой весьма немного. Из пещеры его болевого мешка существование в полноте здоровья не могло не казаться ему божественным даром; что и стало одним из краеугольных камней его философии.

Повернуть колесо в обратную сторону: запереть себя (вполне осознанно и планомерно) в келью отрезанности от карнавала, в келью страдательного служения могли лишь люди с высшей энергетикой здоровья. От рождения наслаждались они этим даром, однако поняли, что это ловушка, превращающая жизнь в пустое сибаритство. Алберт Швейцер. Главное здесь слово – свобода. Надо испробовать нечто, чтобы отказаться от него всецело искренне.

И в то же время опыт и судьба Симоны Вейль опровергают столь легкий и логичный расклад. Изнуряемая головными болями, угнетаемая слабостью, стремительно плотски стареющая, она постигала это как возможность глубинного, на мистическом уровне отклика на тайный божественный призыв: рассотвори себя!

Кто же поистине *знатен* из этих троих?

Было бы странно сомневаться, что у людей эпохи саття-юга было совершенно иное, нам неведомое восприятие мира. И когда я вижу, как Ван Вэй или Рильке вдруг смотрит в Иное, то мне кажется, что в эти мгновения он понимает взор тех людей. Нам ка-

жется, что очарованность красотой и работа на нее есть нечто естественно-высшее. Однако это ошибка. Не только не высшее, но как раз знак величайшего спада.

Скажем, переживание чуда бытия (переживание *присутствия при миророждении*), где вещи не отделены друг от друга, может быть опытом куда более мощного энергетического порядка, нежели всякие новейшие любования и созерцания.

В пользу версии о реальности саттхи-йоги говорит многое. Например, доверительное учение-сообщение Сократа ученикам о том, что всякое глубокое познание, всякое искание есть не что иное, как припоминание; душа в качестве души (не путать с эмоциями и чувствами) уже знает всё. Так что знание истины латентно присутственно, и обращение вовнутрь себя – самое мудрое.

Всё подлинное – не заманчиво. Всё заманчивое неподлинно. Поэтому Лао-цзы и говорил: «Слово, исходящее от Дао (Пути) так блёкло! Различишь его едва-едва!» Музыка Моцарта, звучащая на огромных площадях, где тысячи и тысячи попивают пивка и жуют пиццу, теряет свою подлинность, превращаясь в ресторанные подпевки. Она была подлинна, когда ее было трудно различить рядом с другими роскошными законодателями мод. В сущность музыки входит энергетика человеческого восприятия. Бах был велик, когда его умели различить немногие. Когда же им стали заманивать в концертные залы и на стадионы, он утратил и величие, и свою силу. Музыка (равно и поэзия) не есть технология. Ее сила не в искусности, что не отменяет неслыханной искусности гениев, работавших с утра до ночи. Своего Моцарта и своего Баха ты можешь отыскать только сам среди того, что кажется таким блеклым, таким еле-еле различимым.

Работал ли Пушкин (или Лермонтов) над своим литературным мастерством? Смешной вопрос. Новалис, Трактль, Рильке, Есенин. Даже по времени им было некогда этим заниматься. К чисто литературному миру они имели отношение косвенное (кроме Есенина, отношение которого в этом плане было чисто богемное). И если Пушкин начал издавать журнал, то это доказывает только его величайшую растерянность. Басё, участвовавший в поэтических содружествах своего времени. Но ведь это было так фрагментарно, так точно-приватно, это была форма попыток дружбы бесконечно одинокого странника, а вовсе не «литературный процесс», как мы его сегодня понимаем. Литературоведы накладывают свою ментальную линейку на чужие эпохи. Таким образом мы будто бы *понимаем* иное.

Из поучений самому себе. (Весьма важный жанр). Оспаривать что-то – значит порождать ненависть и обиду. Высказывай взгляды без каких-либо отсылок к кому-то или ссылок на кого-то. Переводи размышления в медитацию. Тогда это смогут если не воспринять, то хотя бы проинтерпретировать: перевести на свой язык. Все мы ошибаемся. Но не давай повод думать, что ты не осознаешь ошибочности всех своих взглядов. Именно всех.

Лермонтов или А.К. Толстой или Тютчев как участники «литературного процесса», как люди, озабоченные ростом своего литературного мастерства? Поставим смайлик. Даже Достоевский, вероятнее всего, не знал в этом смысле черновиков, знал варианты. Пожалуй, только Толстой проделывал гигантскую работу, отделяя то, что сказалось, от того, что он действительно хотел сказать. Тем не менее это был далеко не флоризм. Не было писателя Льва Толстого, был граф Лев Толстой, выступавший с заявлениями, вначале художественными, а затем

с этико-религиозными. Лишь в XX веке появились литераторы-профессионалы, двусмысленный класс, незаметно раздвигавший толпу, научивший ее с восторгом поддаваться всем приемам эстетических манипуляций. Таланты-на-продажу. А потом уже и мастерство-на-продажу.

Попробуем догадаться, почему нынче нет учителей этики или, точнее, этических учителей. Почему все хотят быть эстетическими учителями. (Не может же быть, в конце концов, чтобы природа не порождала этические таланты). Не потому ли, что, как говорил еще Киркегор, плох тот этик, в которого толпа не швыряет камни? Этический учитель, появившись он как вполне искренняя экзистирующая монада, очень быстро вызвал бы всеобщую к себе ненависть. Вот вам и ответ на вопрос, что же произошло, когда Толстой стал выступать не с художественными, а с этическими заявлениями. Вот вам и ответ, почему все нынче хотят быть артистами (если нельзя банкирами). Вовсе не потому, чтобы природа вдруг стала порождать сплошь артистических гениев. Фокус в том, что *все* профессии сдвигаются в направлении артистичности. То есть прочь от этики, то есть от критерия правдивой (перед судом совести) насыщенности того, что ты делаешь. Вектор хроноса.

Даже глубоко любящий рассказ о ком-то из великих (или «замечательных») может вызвать чье-то раздражение или даже чью-то ненависть, ибо в нем уже существует неприязнь к фигуре твоего рассказа. Или существует совсем другая, чем у тебя, интерпретация. А если ты возьмешься, скажем, иронизировать над тайным всеобщим любимцем, то тебя порвут в клочья, ибо среди творческой интеллигенции попросту нет тех, кто бы не был воспитан на этом образце. В том-то и штука, что иконостас наших интеллектуалов-художников давно известен и остается

неизменен. Разумеется, этот иконостас составляют не этические учителя.

В «человека толпы» (а иного человека двадцатый век и не знал) внедрили, развив до патологических размеров, эстетический желудок, доставляющий своей работой совсем новое наслаждение, в которое включены и познавательные, и сексуальные, и демонические рефлекссы. И оттащить теперь человека от «эстетической потребности» не удастся ни при каких обстоятельствах, он уже на игле. Вот почему он не в состоянии отличить «подлинное» от «неподлинного», истинное от подделки и симулякра. Но этого не умеют уже и производители. Огромное число талантливейших произведений новейшего времени зависят между подлинностью и иронической имитацией. Дело не только в том, что современный сапиенс с удовольствием поддался машинизации (т.е. перестал критически оценивать фабрикационную сторону процессов, в которые его втянули), но и в том, что он с удовольствием отдался виртуализации, превращаясь в долгоиграющий, многофазовый и многопрограммный чип. Ему, пожалуй, это даже льстит. То есть мы наблюдаем (кто это – «мы»?) утрату современным человеком собственно рефлексии, под ней я понимаю прежде всего рефлексию этико-религиозную (хотя бы в линии Лао-цзы – Сократ – Эхарт – Паскаль – Киркегор – Лев Толстой со своими великими дневниками). Рефлексия есть потенциальная способность к экзистированию, т.е. к переживанию вечного во временном. Современный сапиенс рефлектирует порой даже почти гениально, но исключительно в эстетико-игровом, артистическом поле, в виртуальном измерении. Именно потому, что оно виртуальное, воображаемо неподсудное, опьяняюще-бесконтрольное, оно столь эстетически обольстительно, источая серпантинные струи фей-

ерверков и «брызг шампанского». Но именно поэтому это измерение внебытийно. Оно иллюзорно, ибо держится на мнимой устойчивости «Я». Ибо реальное, не иллюзорно-игровое «Я» если и может существовать, то лишь в измерении той этической ответственности (этическая ответственность не есть ответственность перед людьми), где всякая эстетика опадает как шелуха. Мироздание отнюдь не эстетично. Сводить его к этой мелочности могут лишь лилипуты духа. Величие Новалиса для меня уже в одном-единственном его (интуитивном по истокам) признании: «Причины существования вселенной надо искать в этической сфере». Или: «Нравственный бог много выше бога магического». Впрочем, все истинные мистагоги указывали на нравственный эпицентр универсума.

Был ли Ницше паинькой, таким серафичным поэтом-лириком? В том-то и штука, что он был предельно возбужден, предвещая психологию тех парней двадцатого века, что устремлялись к действию и, соответственно, к власти и властвованию. Мамардашвили отмечал, что главным своим врагом Ницше считал чувство мести. «Что значит чувство мести, которое чудилось Ницше повсюду, даже у Сократа? Чувство мести – это состояние всякого человека, который сам себя не реализовал, не позволил себе пароксизма страсти, пароксизма честолюбия, пароксизма жизнеутверждения, пароксизма перехода всяких мер¹ и прочее и в этом смысле не реализовал себя как человек.² А я подчеркну, что основная страсть философии Ницше – это не поиск истины, а поиск во что бы то ни стало реализации человеком себя. Так вот, человек, который не реализовал себя, прибегает

---

¹ Ср. цветаевское: «с этой безмерностью в мире мер!» – Н.Б.

² То есть не дал реализоваться своим страстям и страстишкам; не отпустил в рост свои похоти и бесовские зовы. – Н.Б.

к разуму, к рассудку, чтоб мстить тем самым другим, мстить миру, в котором случаются акты Цезаря, то есть переход Рубикона и другие акты, которые тоже есть переходы своих рубиконов. Сам призыв к разуму в переводе на язык Ницше есть призыв к банальности. А за уговором всех договориться о банальности может стоять только чувство мести со стороны людей, которые сами себя не реализовали (или не осмелились реализовать) и знают об этом».

Более меткого и одновременно более злого образа Ницше я не знаю. Здесь ясно виден и весь корень ницшеанства Цветаевой, равно Маяковского etc. Жажда преступать – истинный движитель всей декадансной (оторванной от бытийности) поэзии нового времени. Если не можешь преступать реально (самореализовываться в смысле смелого проживания всех своих желаний и сверхжеланий), не хватает силёнок (как это было у Ницше), то *призывай* к преступанию. Авось кто-нибудь реализует это на деле.

Исходя из характеристики Мамардашвили, легко понять, что Ницше обращался к людям эстетическим, то есть весьма и весьма незрелым для понимания космологического действия не-деянием. Борьба с банальностью во имя новых банальностей – вот девиз современных несчетных “иррационалистов”.

Ницше, по существу возглавивший всю современную эпоху (двадцатый век прошел под очевидным ницшеанским знаком: от арцибашевского Санина до Гитлера и американской диктатуры), не случайно отдавал предпочтение искусству перед истиной. Над истиной он смеялся, называя любую истину формой иллюзии. Однако это выражало лишь его атеистический нигилизм («переоценка всех ценностей», где новым и безупречным оценщиком выступает «Я»; то есть любое эмпирическое Я, любой Икс и Игрек, любое профанное Я, вставшее с любой ноги; взбешённое Я, грозящее Небу кулаком,

угрожающее Богу «распороть Его до Аляски», как у Маяковского), где действовал демонизм самообожествления того, что есть чистая иллюзия: «Я», эго. Явление Ницше показало, что мир вступил в активную фазу юги омраченности. Миллионы, миллиарды «Я» забили в бубны и барабаны, объявляя себя «переоценщиками всех ценностей», то есть высшими законодателями и следовательно богами. Эпоха вакханалии. Могла ли она не стать вакханалией эстетической? Каждый есть создатель своей эстетической прихоти: полный круглосуточный карнавал и сатурналии. А что же истина? Какова ее сущность? Истина традиционно понималась как жизнь (или точнее бытие) в боге. Бог есть Дух. Но что является сущностью любого богоявления, будь то Будда Гаутама или Христос? Само собой разумеется, что эта сущность этическая; и тот, и другой учили таинству Этики. Так что Ницше выбирал между этикой и эстетикой и выбрал последнюю. Но такой выбор человечество сделало уже давно: начиная с эпохи Возрождения. Ницше лишь распахнул ворота толпе; он впустил ее, впустил саму суть человека толпы: претенциозность. Мир перешел в фазу эстетического беснования.

Каких только мудреных фраз не услышишь ныне о бытии; все стали знатоками Хайдеггера, как в девятнадцатом веке все в той или иной степени были гегельянцами. А между тем быть в бытии (тавтология!) значит всего-навсего (!) быть-в-Боге в смыслах того же Экхарта. («Блоха, постигнутая в Боге, выше ангела»). Плыть (или летать) в сущем, «наслаждаться мгновением» еще не значит бытийствовать. Много званных, но мало избранных. Погрузившись в Гераклита, еще близко стоявшего к харизматичности двапара-юги, Хайдеггер отмечал, что «темный» мыслитель «догадывался о загадочной близости

бытия, которое присутствует и в то же время отсутствует». Этот древний способ чувствования, интуитивного неприкосновенного прикосновения остался как реликт в чань (в дзэне он уже извратился). Еще более сущностно чаньское определение германский мастер дает лично от себя: «Нельзя помыслить ничего более высокого, ничего более исходного, ничего более настоящего, хотя и ничего более непрямого, чем само бытие». Мы к чему-то (к кому-то) обращены лицом (ликом) заранее, изначально. И в то же время демон хроноса заставляет нас отворачиваться от данности. Нас заманивают в измышленное. Тот, кто вырывается из этого конфликта в изначальное послушание, есть реликт благодатности. Он осуществляет тот Возврат, который ни в коем случае не идеологичен, это возврат не «в лоно церкви», но в лоно бытия.

И снова этот Гёте... «Для того, чтобы разрушать, годятся любые лживые аргументы, но ни в коем случае не для строительства. То, что не правдиво, строить не может». Нашим бы пособникам революционеров (а без пособников они ничто) понимать это! Но и к сегодняшнему дню это имеет прямое отношение: мы делаем вид, что строим...

Однако я отношу эту максиму и к поэзии тоже. Истинный поэт не должен заниматься измышлениями, он не должен сочинять, но его долг – добиваться безупречно правдивой координации своего духа.

Иногда он чувствовал себя медлительной мыслью сознания деревьев. То ли их мыслью, то ли сюжетом, то ли чувством, то ли предчувствием. Этот образ не раз и не два рождался у него внутри, и был это, собственно, не образ, а интуитивное непосредственное ощущение. Однако когда он однажды про-

читал о том же самом в рассказе Музиля, что-то в нем щелкнуло, и он задумался надолго, радоваться ли этому нежному средству или грустить по поводу абсолютной невозможности быть в чем-либо уникальным. Всё в пространствах ментальной вселенной может стать ландшафтом, куда в любой момент войдет кто-то другой или откуда он только что вышел. А может быть (и скорее всего) все эти ландшафты бесконечное число раз посещались путниками и странниками во времена и эонах.

Погружение в поток настоящего, в Da-Sein (*вот-бытие!*, которое либо дается тебе, ухватывается тобою в мистическом акте вхождения в единый ритм, либо не дается, и ты отбрасываем на обочину) стирает прошлое, как солнце стирает росную паутину с ранних утренних ветвей. Как же можно? И что с этим делать? И что же *есть*? И что же *было*? Где само бытие в своем целостном триединстве? Но к этому упокоенью и движется «трансцендентальное» сознание.

Пророки ушли из нашей жизни? Думаю, нет. Просто их надо уметь видеть; они не стоят на площадях и не бродят по пустыням.

Психолог Зенкевич в пересказе ее ученицы. Западные языки ищут смысл и смыслы. Русский язык ищет правду. Попытка Запада уничтожить сакральный код русского языка. В общем, думаю, она права. Запад всегда ориентировал индивида на самоутверждение; захват смыслов здесь есть акт агрессивной самости, которая без растущего чувства «Я» ощущает себя крайне неуютно и даже униженно. Русский человек стремился жить *по правде*, а не по измышленным смыслам. Правда одна, смыслов бессчетие. В одном случае бескрайнее самоутверждение, в другом

недеяние, доверие руке Божьей. Любопытно, как остроумно переделали термин «западничество» в «западнизм» (из западни).

Американцы с лениво-насмешливым недоумением слушают наши ламентации о справедливости, для их сознания существует изначально иной высший императив: результативность; проще говоря – выгода. И это то, что давно захватило мозги всего Запада; весь нигилизм Ницше, якобы тонкого-тонкого человека, держится на этом: мир есть зоологическая игра иррациональных высокомерных воль. Мол, в центре мира ни в коем случае не сострадание. Речь идет не о нашем спародированном и мелковатом сострадании, а о той высшей праформе, которая уравнивает ментальные и прочие миры, не позволяя ни единому существу патологически взрастить свою «волю-к-власти» до состояния ее ликующего демонического хохота. Разве не демонический хохот отличал всех «знатных» в нашей убогой юге?

Помню, как девятилетним пацаном я с ужасом смотрел на громаду жизни, тускло дымящую и угрожающую, и только щупальца желаний хватали и тащили меня вперед. А впрочем, если быть до конца правдивым, то не столько желания побуждали идти вперед, сколько инерционное движение безгласной толпы, внутри которой я по неизбежности был.

Приснился сон, где я взялся переводить рассказы Рильке, которые были поразительно, невероятно утонченны тем сердечным измерением, которое случается только в снах. Помню, что иногда мне не хватало никаких словарей для передачи того неслезанного, которое я чувствовал частью своей собственной жизни и жизни моего друга. Наутро после сна я был неприятно обескуражен сравнительным примитивизмом и рационализмом реаль-

ных текстов Рильке, стоявших у меня на полках.

И вот я думаю, что сновиденная реальность все же не есть некая иллюзия, но есть именно реальность, которая однажды станет нам объемно и длительно доступна, когда мы достигнем уровня пробуждения от дневного, слишком рационалистического, слишком обманного игрового сна. Несколько раз в моей жизни я слышал в снах невообразимо прекрасную музыку, в сравнении с которой Моцарт и Бах были мелкими грубоватыми подмастерьями.

В воспоминаниях о Рильке Марты Фогелер, жены известного художника Генриха Фогелера, есть красочная деталь: однажды из какого-то путешествия Рильке привез сундучок в подарок, на котором Марта с мужем прочли выправированные две строки: «Любой из нас изобразит цветок. Благоухать же может только Бог». Два вида творчества. И одновременно определение сущности поэзии: благоуханность!

Он стал священником (не учась этому ремеслу), чтобы пройти его насквозь подобно тому, как Артюр Рембо мечтал насквозь пройти давно сдохшую, как он считал, Европу. Через десяток лет священнической рутины он бросил жену и детей и уехал за тысячи километров от губернского города и стал наблюдать, как течет мимо его домика (оставленного ему умершими родителями) река, собственно не река, а речка. Но и в нем самом что-то текло. Он вслушивался в это и стал писать стихи и вскоре вообразил себя художником, чье священство выше махания кадиллом и повторения чужих формул. На самом же деле он спасался от безумия, посетившего его в юности и непрестанно задававшего вопрос: что это? зачем это? откуда это? а почему я не могу всё это сломать? И первое бегство он совершил в женщину после того как однажды поздним вечером, после тяжелой беспричинной депрессии, разбил камнем шикарную витрину столичного ма-

газина драгоценностей, взял поразившую его брошь, и за ним пошла погоня. В нем металась гибкая энергия Гришки Распутина, природы которой он не знал. Каким-то седьмым (не шестым) чувством он еще с детства догадывался, что мир начался с поэзии, но что она такое и почему сам он не бог, этого он никак не мог вполне уловить, он ловил только блестящие и проблески, летучие фрагменты разбившейся вдребезги истины.

«Если бы двери (окна) восприятия были очищены, человек увидел бы вещи такими, каковы они есть, – бесконечными», – Уильям Блейк. Однако суть еще более удивительна: эти окна изначально чисты. Смотри!

ИЗ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Густая каша. Еще раз о современном стиле в прозе и стихах: впечатление, что азарт всезнайства пожирает пишущего словно жадность, словно безумная нынешняя воля-к-богатству (где соревновательность бесконечна и агрессивно-разрушительна), и вот то ли не в силах скрывать свою переполненность всем этим информационным хламом (возможно, драгоценным), то ли им бахвалясь, то ли просто механически распираемый им, стиль изрыгающе истекает всем этим избытком, создающим иллюзию полного закрытия всех возможных лакун сознания. Незаковыченные цитаты и культурологические намёки лезут изо всех щелей: стиль воображает себя усталым мудрецом, хранителем всех истин, успевшим на этом «празднике жизни» сожрать всё, хотя хотелось бы всё-всё-всё – так, чтобы лопнуть по-настоящему и вконец. Ибо поиск сверхсмысла и душевная заболоченность всей этой пускающей пыль в глаза игры гонит стиль и гонит, вгоняя в тошнотворную оскомицу. Думается: неужто

писатели прежних времен были менее образованными? Но почему же они держали свою начитанность отдельно (как Лев Толстой, знавший подробности едва ли не всех литератур и философем), а свой дискурс поверяли душой, а не мозговыми фонтанами? Дело, возможно, в том, что они и читали, и путешествовали иначе. В них вызревала душа, одиноко предстоявшая Одинокому.

Если схематизировать различие: девятнадцатый век руководствовался в стиле еще ритмами этики-дхармы, внимательно вслушиваясь в струны, связующие внутреннюю ойкумену с антенной Земли, нашей единственной посредницей. Нынешний стиль – сто-процентный раб чары, в которую включены информационные файлы всех религиозных систем и сект. И чем более густая здесь заваривается каша и чем самовлюбленнее экстаз, тем безнадежней душевный коллапс.

Что самое редкое на земле? Хорошие математики, физики, поэты, артисты, смелые преступники, лидеры всех мастей, изобретатели, путешественники?.. Нет, этого добра всегда в избытке. Меньше всего на земле-матушке обыкновенных порядочных людей. Столь ныне презираемых нигилистами всех мастей.

Андрей Платонов: «Чтобы жить в действительности и терпеть её, нужно все время представлять в голове что-нибудь выдуманное и недействительное». Не он первый пытался выжить таким способом. Иметь внутреннюю реальность совершенно необходимо, чтобы не сойти с ума или не озвереть. В сущности, таков путь почти любого настоящего художника, от Руссо и Штифтера до Достоевского и Сэлинджера. Огромный толчок в этом направлении дал Толкиен. Вспоминаю при этом романную эпопею-фэнтези,

в которую пустился однажды загнавший себя в подполье мой друг. Но здесь перед художником громадный соблазн эстетизма: бегства от «того, что *есть*» в болтовню.

Радомысельский, Гусаров, Жизмор – как излучатели воли, иррациональной воли; и сами – захваченные некой иррациональной волей. Это и делало их для меня таинственными. Но понимали ли они источник своей силы и уверенности? Сомневаюсь. Отчасти об этом у Сент-Экзюпери. Однако атмосфера души интеллигентно-непроицаемого начальника огромного цеха Радомысельского – из иррациональности, которую не поймет не родившийся здесь.

Святой Фома говорил, что ностальгия по Богу возникает лишь по мере приобретения духовного опыта внутри тварного мира. «Тревога, тоска есть не что иное, как форма духовного опыта философа», – Маритен.

Христианство разрушило языческий дом с его благородным служением тайне и с верностью земле, принадлежащей богам. А взамен дало шаткие, проблематичные иллюзии, которых не хватило даже на два тысячелетия.

Для околodzэнских историй: как Швейцер таскал чужие свинцовые чемоданы; Галчинский – за цыганским табором; челябинец Павел, убивший свою любимую жену Екатерину не из ревности, но «беспричинно», по «праву гения»; Константин Леонтьев; Ангелус Силезиус. Далее: «псы дождя» Верникова; Пессоа; исчезновение Сэлинджера; Толик из Шершеней; Чаадаев в своем кабинете; Хайдеггер; Гессе; герой Достоевского, укусивший другого за нос; Диоген: ищущий человека; Фр.Милле; Башлачев; Джон и Йоко; Ахматова, кинувшаяся из Питера в Москву к Раневской, когда та сообщила, что видела сон о Пушкине.

Анна Незнанская. Письма из пустыни Негев. Некто, кто жил всегда. Онищук, Скребцов, Брылин, Трофимова. Игорь Ярцев: Пушкин, преследующий его по пятам. Актер «Манекена»: Нью-Йорк, негр в церкви, его взгляд, безумие. Гадалка.

Вдруг вспомнил имена некоторых верблюдов, которыми владели родители моей мамы в хуторе Литвиновка на берегу речки Белая Калитва: Мишка, Терешка, Майка, Мальчик, Манька... Вспомнил, с какой нежностью мама рассказывала об этих двенадцати верблюдах, как о членах семьи, где каждый исполнен индивидуальности и души.

Искательница того, чего нет. Земной «душевный» мир её – Он, от кого она бежит, но без чего жить не может. Просьба помочь умереть. Смерть. Хотя и не вполне телесная. Его впечатления. Потрясен ли он?

БИОГРАФИЯ ГЛУПЦА. В юности увлекался эстетическими фейерверками. В зрелости увлекался эстетическими фейерверками. Разумеется, фейерверки были нагружены эмоционально-психологическими реверансами. В старости увлекался эстетическими фейерверками. Разумеется, фейерверки были нагружены философически-эзотерическими реверансами. В момент перехода понял (было явлено), что эстетические фейерверки есть чувственно-символическая форма глупости.

Всем (почти всем) ясно, что мы пошли в какой-то момент не по тому пути. Но в чем существо ошибки? Большинству из молодых покажется невероятным и даже возмутительным, если сказать, что корень ошибки – поиск красоты и свободы в жизни. Тем не менее это так. Ошибка уже в слове «поиск». Ищут впереди, а требуется возврат. Но в весьма уже удалившееся.

Она, красиво-прозрачная, нежнокожая блондинка с

большими голубыми глазами, новоиспеченный кандидат наук. Приходящая к тебе, в твой кабинет, как к зверю в клетке... Сидит в углу в кресле, часами молча смотрит распахнутыми чуть влажными глазищами, то ли пожирая тебя, то ли наблюдая за тем, как ты работаешь: пишешь, звонишь, принимаешь людей. Сидит, не шелохнувшись. Страстное любопытство? Изумленность? Страх? Что еще?.. Возможно, она сама не понимала причины. А возможно, всё гораздо прозаичнее: «научная» попытка понять суть твоей должности. Для чего? А бог весть. Разве тебя не поразила ее упорная скрытность? Не позволяла проводить себя дальше троллейбусной остановки. Вскоре внезапно уехала из города насовсем.

Человек тайна даже для самого себя, когда живет совсем спонтанно.

Обратил внимание, что во время прогулок, когда наблюдаю за облаками, за озером, полями, перелесками, лесом, холмами и т.д., и когда восхищение входит в меня мощно и естественно как воздух, то давно уже не говорю: как это прекрасно!, но вырывается из меня совсем другой возглас: как это удивительно! как это фантастично!

Когда мы говорим: всё есть игра, то мы лжем, ибо всё есть не игра, а мистерия. Мы – в мистерии. Игра располагает к озорству, безопасной безшабашности, к реализации веселого авантюризма, где самость стремится увеличить себя максимально. Внутри мистерии мы преисполняемся (тишайшего) внимания, мы – то как отрок в волшебном замке, то как охотник в девственном лесу, где хищник может выпрыгнуть в любой момент. Страх и трепет.

Перечитывал старые письма, и в одном из них (внутри эпистолярного романа) молодая женщина пеняла мне, что у меня дзэнский ум, а вот сердце не дзэнское.

Я задумался: а что же такое «дзэнское сердце»? Неужели она огорчилась, найдя во мне «христианское сердце»? Неужели ей было мало, если она нашла во мне просто сердце? Без всяких определений. Ведь, быть может, такое непритязательное сердце и есть сердце чань? (Внутри эпистолярного романа без таких разбирательств не обойтись. Ведь в сущности мы обменивались чистыми листами бумаги).

Собственно эстетического фермента для бытия великих стихов нужно совсем немного. Ослепительная красавица есть факт вульгарности. Важна не красота, а открытие ее, открытие ее истока, обнаружение его там, где ты пребываешь, где (так уж получается) никто ее не замечает. Но не для того обнаружение, чтобы сообщить об этом «всем». Ни в коем разе. Напротив: не разгласить, утаить. Разве любимая станет менее прекрасной, если ее красота по-прежнему видна только тебе? Ведь Бог-то – на твоей стороне.

Ты говоришь, он не в состоянии понять смысл твоих вопросов – так неуклюж его мозг. Его ответы кажутся тебе невразумительными и совсем не о том. Когда ты серьезен – он смеется, когда ты говоришь шутливо – он может вдруг изречь трагический парадокс...

Не значит ли всё это, что это ты не в состоянии понять его? Не ты ли это стремишься поработить его своими вопросами, в которых уже спланирован тобою абрис ответа? Не играют ли здесь две воли, из которых одна, твоя, – догматична, а другая, его, – импульсивна, но обе хотят не любить друг друга, но быть любимыми? Разве не сказано у Гёте, что «правильный ответ подобен любовному поцелую»?

Когда-то, в отрочестве и первой юности музыка Шопена, Шуберта и Чайковского звучала мне как поэма, ослепительная в своей высоте и недостижимости, как знак сверхчеловеческого торжества. Благого-

вейный трепет – вот что я испытывал. А сейчас в этих же ритмах и мелодиях я слышу скорбь тленного сердца, напряженное сотрясение слабого на ветру жизни человеческого организма, мольбу о спасении, вопль опьяненного страданием, надеждой и безнадёжностью; я слышу героя, но и смиреннейшего из смертных. И ощущения мои сотканы уже из сети сложных чувств, где меньше стало восхищенья, а больше щемящего сострадания в понимании тленности и случайности этих трудов.

Разговоры о познании нового содержания посредством новых форм и вследствие этого самовозбуждение новациями, – все эти разговоры и подпрыгивающие устремленности – сушая чепуха, ибо содержание, данное человеку в его диалоге с сущим, всегда одно. Форм же бесконечное число: попыток коснуться реальности *как она есть*. Беготня за новыми стилями и формами потрафляет нашему снобизму: мы, мол, другие, мы более продвинутые в новое и т.д., и т. п. Но весь этот эстетический морок подобен беготне за красотками, когда зудит одно место. Вся эта воспаленность к содержанию бытия не имеет никакого отношения. Был ли Шостакович или Мессиаан или ныне Курляндский ближе к содержанию, чем Бах или Шуберт? Содержание бытия не раздроблено на множественность эстетических файлов, оно вообще не раздроблено. Оно дается человеку посредством немногих внутренних форм, и искусство вообще может в этом смысле быть свободным, гулять себе и гулять. Мир звуков, пауз, музыка «безмолвия», мир красок, оттенков, мир теней, полутонов и всех иных неведомостей, мир сюжетов и мир интуиций, называемый нами миром воображения, – все эти миры существуют помимо искусства в своей натурально-сверхъестественной (вложенной в нас когда-то, быть может, богами) процессуальности. И когда человек

откликается этим мирам тем или иным способом, то он всего лишь танцует вне зрителей и играет «на флейте» (земли или неба) вне слушателей, ибо всё танцует, и играет, и поет, ибо соприкасается с мистериальным содержанием. Но как только кто-то поет или играет *для кого-то* – связь с содержанием рушится. Потому-то искусство почти всецело торгует формами, а если и касается содержания, то лишь человеческого, «слишком человеческого». Народная песня, чудом дошедшая до наших дней, пелась некогда «ни для кого». Люди древности, несомненно, жили поэтически, но стихов не писали. Появление искусства ознаменовало колоссальную деградацию человеческой ментальности, цельный человек раскололся на субъект и объект. Потому-то искусство не «высшее достижение человеческого гения» (гениальность формальной изобретательности отрицать невозможно, человек стал изощреннейшим изобретателем), а трясина, изнутри которой крайне редко слышится искренний болевой вопль: из бездны зываю к тебе, Господи!

Русский святой начала двадцатого века справедливо сказал: «Явился европейский гуманизм и природе был подписан смертный приговор». История Европы – история непрерывных рецидивов агрессивного ража под разнообразнейшими обличьями и лозунгами (словесной патоки Европе не занимать, непрерывное клочотание в ней беса назиданий и «воспитующих действий», за которыми просматривается безусловная жажда подмять под каблук своего Эго всё и вся, так, чтобы в конечном итоге не «золотой миллиард» (или золотые двести миллионов) вульгарнейших гедонистов остались на планете, а одно-единственное Эго, торжествующе стоящее на ободранной, обугленной Земле. И полагаю, что имя ему – Светоносный. В этом тайный (да и не такой уж тайный) пафос Европы, олицетворенный сегодня ее передовым отрядом

под звездно-полосатым флагом. Кто считает меня субъективным, пусть перечитает книгу британца Арнольда Тойнби, да, того самого, который писал, что, изучив историю двадцати одной крупнейшей мировой цивилизации, он обнаружил, что девятнадцать из них погибли по причине морального внутреннего разложения и только две – из-за внешней агрессии. Но я имею в виду здесь другое: попытку Тойнби понять, почему Запад на протяжении множества веков ненавидел и ненавидит Россию, почему она по крайней мере семь раз подвергалась крупным западным агрессиям, не будучи ни в чем виноватой перед Западом. Ответ британца смущенный: вероятно потому, что русские – *другие*. Вот именно. Что же так бесило и бесит Запад? *Православие* – лепечет Тойнби.

Политика самих русских, начиная с Петра учивших (себя и других) воспринимать всякого инородца, особенно западного, как почти мессию, привела и Запад к убеждению, что все заслуги во всех сферах русской и российской жизни есть результат управления и «ферментной» деятельности ментальности инородцев. Культурное развитие собственно русского генотипа хронически тормозилось, к культурной же шлифовке западного или еврейского образца (что в общем то же самое, учитывая откровенно позитивистский вектор развития еврейства) русский человек был органически не способен. Результатом была, в общем и целом, стагнация, пробиваемая взрывами индивидуальной гениальности (Тютчев, Розанов, Флоренский и т.д., если брать только первый ряд) и гениальным струением народно-православной исихии.

Рассказывают, что в канун расстрела в Крыму в начале двадцатых годов, учиненного над графом Ростиславом Капнистом, тот успел поделиться с поэтессой Аделаидой Герцук впечатлением от Евангелия: «Тайна этой сумасшедшей книги в том, что она

написана вне времени, и я понял ее смысл, лишь когда совсем недавно вышел из времени...»

Мне вспомнились слова Новалиса о Новом Завете, что это книга, запечатанная для современных людей семью печатями именно потому, что им непонятна нравственная подоплека вселенской игры, корень которой – совесть, распечатывающая самую потайную дверь универсума. Тут разрыв, колоссальный разрыв, пропасть. «Настоящий человек» в космосе и космологии Чжуан-цзы обладал *человечностью*, смысла и сути которой современный человек не поймет, хоть тресни, хоть ты его руби на части. *Человечность* есть громадная степень верности пути Земли и Неба, наших истинных родителей. Вот почему настоящий человек так мягок и так отрешен, так нежен и так непоколебимо отстранен. Это та степень искренности, та степень упокоенности и невозмутимости, которая суетному человеку современности показалась бы холодностью и равнодушием. Ибо современный человек с рождения приучается к бесчисленным симуляциям «гуманности», служа своему тщеславию, но вовсе не Дао.

Протоирей Александр Шмеман как главную двойственность душевной и духовной своей (нашей) жизни чувствовал отторжение от «люциферианского» измерения этого мира и одновременное влекущее чувство божественных в нем «реликтовых», еще отчасти «эдемных» энергий. В этом смысле интересно письмо к Шмеману от владыки Семенова-Тян-Шанского, которое Шмеман в своем дневнике цитирует. «Понял, - пишет Тян-Шанский, - что с ранних ваших лет вы переживали антиномию *отвержения* и *приятия* мира, антиномию, которую вы так и оставили как антиномию. Я также, может быть уже долго, если не с юности, это переживаю. Вот почему ваша книга так уязвила меня...» И все же приятие у Шмемана очевидно и нескрываяемо доминирует.

Переживать духовный трепет земли как непрерывное чудо – вот его центральное кредо. «Чувствовать этот «трепет» во всем: в словах, в вещах, в природе, в себе – вот и вся христианская жизнь, или, вернее, сама жизнь, христианством дарованная и даруемая». Но конечно, это (то есть фактическое язычество) далеко не всё, что есть в реально проживаемом христианстве. Есть и глубокая драма, разверстая пропасть. В которую Шмеман предпочитает не смотреть.

Пока люди будут думать, что все они разные, что один благороден, а другой негодяй, один умен, а другой туп, один первосортен, «угоден богам», а другой неудобный маргинал-неудачник, они никогда не смогут быть в плодотворном союзе, всегда будут собачиться. Пока не поймут бездонного начала в каждом, безконечной трагедийности каждой судьбы, до тех пор не успокоятся в наездах друг на друга. Каждый человек – исключительный случай и требует особого к себе подхода. Последний дурачок столь же значим, сколь и самый большой умник. Разговор с Гёте ничуть не больше тебе даст, чем беседа с простым врачом или «лавочником», если ты внимательно всматриваешься в него как в самого себя. Перед лицом смерти мудрость каждого ничуть не меньше и не больше.

Уныние. Корни его безмерно глубоки. Причин для неуныния практически нет. И все же уныние – потеря внутреннего темпоритма, музыкальности, провал в естественной экстаике, позволяющей тебе быть то героем, то глупым гусаком, воображающим, что «всё нормально». «Куда нам плыть?..» Сколь наивная постановка вопроса. Приобрести маленький сад, сесть под деревом и смотреть, как оно растет вместе с камнями, ящерицами и холмом неподалеку.

Странные мысли после столь почти просветленного и совсем неунылого вчерашнего сочельника в неболь-

шой компании замечательных людей, собравшихся у нас в доме.

Ходили в ближайший от нас миниатюрный храм. Чудная атмосфера, тихо, благолепно. Ощущение нематериального свечения возникло внезапно-просто и словно бы ожидаемо, было даже не чувство, а чувствование, что ангелы невидимо перемещаются по храму. Пожалуй, это впервые. Присутствие внутренней свободы и открытости, безбарьерности, своего рода «естественности сверхъестественного».

Нет более отвратительного зрелища, чем добровольно оевропеизированный русский человек. Он становится уж такой редкостной дрянью, что только плюнуть и отойти, если изъясняться по-гоголевски. Чем, я думаю, и объясняется отчасти отчаяние позднего Виктора Астафьева.

Я сильно огрубляю? Да, конечно, слегка огрубляю. И по двум причинам. Во-первых, мои незримые оппоненты тоже сильно огрубляют. Во-вторых, игра сегодня на планете идет такая, что важно уловить суть, не до оттенков. Вполне понятно, почему всегда были и будут и «западники», и «восточники» (неудачно названные «славянофилами», сами они себя так не называли): если человек внутренне, инстинктивно-стихийно пребывает на этической стадии жизни, то, разумеется, «необъяснимое» отторжение от Запада его рефлексов и интуиций будет ему обеспечено. И наоборот, если человек потрохами, инстинктом предан стадии чувственно-интеллектуально-эстетической (как подавляющая часть интеллигенции, особенно финансовой и художественной), то он просто не может не испытывать нежную преданность европеизму (еврогуманизму) и телячий восторг перед всем западным, вопреки всему и вся. Не по хорошу мил... Тут логика и «факты» не действенны. Это ведь так просто понять, чтобы не удивляться чей-то «тупости»

и не пытаться пустой пропагандой разрешить дилемму. Важно не обманывать себя причастностью к тому, к чему ты непричастен по существу. Ну как, скажите, человек, убежденный, что мерой всех вещей остается Бог и боги, может принимать еврогуманизм?

Притом, я вовсе не утверждаю, что русский человек как архетип или как эмпирическая персона далеко продвинулся на своей стадии; безусловно, на своей стадии западный человек продвинулся много дальше. Вполне может быть, что на своей стадии русский был всего лишь начинающим приготовишкой, не в этом дело. Дело в ориентации сознания, внимания и всего совокупного эроса. «Ни один путь никуда не ведет». Но чрезвычайно важно направление пути.

Здоровье (человека, тела, души, культуры и т.д.) не в приобретениях (новых свойств, энергии и т.п.), не в весе, а в равновесии. Чуть перебор и – крах. Избыточность владения чем-то (энергией, информацией и т.д.) чревато гибельностью. Энергия *ци* должна циркулировать абсолютно свободно, без напряжений.

Дух закован в нас материей. Но это не значит, что в материи совсем нет духа. Напротив, самая отчаянная и самая трудная, самая «божественная» работа и состоит в добыче этого «золота» среди «руды», из «руды». Фактически труд жизни есть попытка (большей частью безуспешная или даже тщетная) восстановления в себе реальности, ибо весь паноптикум социальных игр ставит целью окончательно заковать тебя в химерах. Потому-то все *реальные* достижения невидимы. Творчество есть попытка явить взору и воображению эти реликты невидимого.

Ах, как было бы хорошо, если бы ангелам что-то нравилось из того, что мы, люди, производим, – писал Рильке в одной из элегий, – если бы они что-то вкуша-

ли из наших эманаций! Но Хуан Матус сообщает вполне утешительную весть: Мировой Орел вкушает реальное сознание каждого умершего человека, именно этим он и питается. Утешает это или ужасает? Ведь Орел, быть может, не делает различий между сознанием Бонавентуры и Чикатило. Так неужто сущее столь запутанно сложно или наоборот столь непосредственно цинично? Но опять же правда и то, что мировой Орел есть реальность сознания Хуана Матуса, древнего сознания его племени, в твоём же лично-персональном сознании этого орла нет. Разберись со своим собственным мировым пространством. Что тебе шепчет сущее? Вот сейчас оно шелестит тебе свежей рассветной листвой и блаженным облаком помаргивает между стволов.

Когда возобновить бы
мировую тишину!
И вдруг услышать, как она поет.

Кто в нас блаженство льет?
Кто в нас торит весну?
Прощальны все мгновенные женитьбы.

Разве сей вольный мой перевод из Рильке чем-то отличен от неперевода того, что *есть*?

Фрагментные сколки стихов в виде прозаических грубовато выдранных из души кристаллов. Эти выдерги-сколки не всегда будут похожи на кристаллы, чаще они будут грубы, примитивны, косноязычны, отрывисты, рваны отнюдь не в эстетическом ключе. С собой ведь не церемонятся. Церемонии возможны лишь перед Высшим существом. В себе. Вот здесь-то и закавыка, парадоксальный тупик. С одной стороны церемонии, а с другой – без полноты простодушия имеет ли хоть что-то хоть какой-то смысл? Кроме музыкального.

Пошлость. Что это? Она изменчива. Сегодня это жажда новизны, назойливо-горделивая демонстрация разрыва с традиционностью. Пошлость – в самом желании быть (стать) оригинальным.

Мух была пропасть, они почти непрерывно быстро и нагло совокуплялись, и его каждый раз передергивало.

– Зачем ты приехал сюда?

– Как тебе сказать, – он долго разминал папиросу, пока не изломал ее, потом достал другую и еще более сосредоточенно стал ее раскручивать. – Видишь ли, я хочу почувствовать человека, *надеюсь* почувствовать, – поправился он. – И не просто человека, а такого, на котором свет держится. Ведь на ком-то же свет держится?..

Как часто кажется, что рядом с тобой что-то дремлет, прячется, происходит... Действительно ли этот мир – «непроявленный», как сообщает «Гита», что-то вроде непроявленной фото пленки?

Когда ты проваливаешься в черную дыру, то это тебя, конечно, не радует. Но ведь это ты сам – та черная дыра, которая втягивает в себя вселенную.

Еду пассажиром по дороге в долине меж гор и холмов. Вижу этот мир... Живой, явленный на мгновение. И суть в том, что я вижу всё это драгоценное в качестве *живого* именно потому, что как бы из *небытия*, из своего *небытия*, из «черной дыры». Иначе почему бы я все это видел как живое, как неизмеримо светящееся и с таким изумлением созерцал, и с таким волнением, как то, что, существуя в качестве вечного теоретически, для меня существует как мгновенное.

Почему мы не узнаём себя на фото и узнаём легко всех остальных? Причина весьма любопытна. Внутренний мир других (в том числе своих друзей, вещи, природу

и т.д.) мы постигаем, начиная с тела, исходя из внешности; душу других постигаем посредством «овнешнения», выскивая симптомы внутреннего во внешнем, находя объяснения внешнему во внутреннем (часто за счет воображения и выдумки). Себя же мы познаём изнутри (рождаясь и далее) и лишь весьма поздно узнаем свою внешность... Узнаём ее, уже сотворив изнутри себя свой внутренний образ, познав себя из своей деятельности – физической, душевной, духовной... Потому художники столь охотно пишут автопортреты, где узнают себя, в то время как на фотографиях – не узнают.

После поминок по моему погибшему почти пятнадцатилетнему сыну наши друзья собрались у нас в нашей квартире. И вдруг почему-то начался такой душевно-духовный подъем у всех, что я просто не знал, как это всё утихомирить. Что-то почти кощунственное было в этом внезапном взрыве дружеского общения, словно все вдруг вышли из анабиоза, осознав, что они живые.

Вспомнилось, как с юной Эллой мы осматривали церковь Спаса на Бересте в Киеве. Фрески семнадцатого века, скучные и мертвые. И вдруг в освещенный мир окно: кусочек расчистки в слой тринадцатого века. Чудо ловли рыбы апостолами: горячие духоносные фигуры. Русский Джотто. Апостол Петр в воду бросается, чтоб переполненные сети поддержать... Синее, розоватое, коричневое. Душевная ритмика свободных людей. Кирилловская церковь, 12-й век. Небольшой очищенный кусочек в век двенадцатый: «Ангел, свивающий небеса». Стремглавый шедевр. Летящий, знающий тайну ангел, сворачивающий небеса, а вместе с ними и наше время. Весь наш громогласный эон – маленький свиток под мышкой у ангела...

И позднее всегда замечал: чем более ранние века, тем утонченнее свет.

Онтологизм страдания. Альберт Швейцер: «Два переживания бросили свою тень на мое бытие. Одно из них состоит в понимании, что мир необъяснимо таинствен и полон страдания...» Хотя вполне допустимо оспорить это утверждение, представив страдание как форму приключения и приключенчества. Но в таком случае фундаментально изменится понимание этического начала универсума. Де Коссад: «Бог враждует сердце, но не мыслями, а страданиями и препятствиями». И он отнюдь не первый и не последний в этом наблюдении. У Достоевского: страдание – плавильня сознания.

Я узнал о его смерти много раньше, чем мне сообщили. Наверное, он еще тяжело задыхался, когда на меня, на другом конце города, навалилось ощущение опустошенности, голости-голизны пространства и времени. «Навалилось ощущение» – это ничего не выражает. Я попросту почувствовал, что ничего не имею, что всё обесмыслено. Можно это назвать абсолютной ограбленностью. И лишь позднее я понял, что он унес с собой Всё. Это кажется странным, однако это так.

– Вы говорили, что плохо знаете меня. А что значит: знать человека?

Ал. Грин в «Зурбаганном стрелке»: «Содержательность зрительных впечатлений не уступает книге; искусство смотреть для очень многих еще тот самый всемирный, но не изученный язык, о котором ревностно твердят нам эсперантисты». Как печально свершается этот прогноз!

Молодой человек говорил: «Я часто ловлю себя на чувстве, что пойман в оболочку не только своего тела, но вообще человеческого существа. Что-то во мне

(даже не во мне) мечется в поисках выхода, но всюду натывается на какие-то стены. Они никак не дают овладеть ощущением непосредственности существования. Словно бы я был жуком или кафкианским чучелом. Крайне смутное прозябание, словно бесильное ощупывание не-себя. Осуществление? Как будто в непрозрачном потоке плыву. И никак не могу разобрать, что делается в двух метрах от меня. Вот этот мутный застил и разделяет меня с чем-то, что несомненно должно существовать *на самом деле*. Это, наверное, то легкое дыхание, из которого мир состоит *сам по себе*. Как вы думаете?..»

В следующий раз он сказал: «Мы говорим: кто-то ввел нас в эту жизнь, в этот таинственный, ничего не объясняющий мир. Если *кто-то*, то пусть он ответит нам, что означает это безграничное, это безумное одиночество человека перед судьбой. И даже если мы возникли из низших форм, вопрос остается: зачем я введен, зачем исчезну и куда? Совершенно очевидно, что ответ на этот вопрос, идущий из глубин моей души, должен реально существовать. Иное представление – цинично и бредово. Следовательно, этот ответ где-то совсем рядом. Но где же он?..» Он смотрел на меня так требовательно, так настойчиво, почти сурово, ведь я был в два раза его старше.

Из сна: и сколько бы мы ни кидали друг в друга туго слепленные комья снега, они всегда, высоко взмывая, стремительно влеклись друг к другу и в смятенном ослеплении сталкивались, разбиваясь в солнечные дребезги.

Жил человек, считавший себя крупным поэтом, но чувствовавший Бога только как время. Этот Бог страшно его пугал потому еще, что сердце у поэта было никудышным и дышало на ладан. Бог вытеснял его потихоньку из мира, где поэт в мечтах и в снах хотел обосноваться навсегда. А Бог-вечность смеялся

как Навзикая,
с чистыми как у ангела лицами.

Я часто спрашивал себя, но не находил ответа,
откуда, от кого в них эта доброта и кротость,
но и сегодня не знаю этого,
хотя мне уже пора.

Мастера слова, сверх меры одаренные словесники, владеющие талантом крутить звуковые и семантические сальто-мортале, быть может как раз и наиболее отрезанные от тайн «несказанности». Они слишком давно и глубоко вошли во взаимодействие со словом, слишком сошлись и слюбились, чтобы чувствовать тоску по тому абсолюту общения, которую способен ощутить лишь предельно от слова отрезанный, то есть чувствующий его условность, жалкость и заградительность.

Поэты – это те, кто испытывают тоску по бытию. Они рвутся из жизни, из той жизни, где слово – всё: заманка и этикетка, обманка и мираж, ложь и палач, хитрость и кнут. Жизнь увязла в плену интеллектуально-понятийных проекций, в плену бесконечного тупика «мнений». Вот почему поэзия (во всех жанрах) по своей корневой сути есть медитация тоски и романтического возврата.

Пиктография, идеография... Более примитивные формы письма надо считать более целостно-вещными, менее ледяными. Разве случайно Рильке тосковал по стихотворению-вещи?

Настоящий художник занят поиском своего истинного «я», то есть он бежит от эго, чуя в нем либо эрзац, либо мистификацию, подлог, актерскую личину, нечто, погрязшее в шелухе конвенций-концепций.

В тысячный раз варьирую эту мысль. Почему? Вероятно, потому, что она актуальна для меня самого несмотря на всю кажимость её освоения и освоенности. Но достиг ли ты своего истинного «Я»? Слил ли с ним? Если так, то ответь: кто ты?

Эти вечные призывы к свободе. К кому они обращены? К внешнему человеку. Устремленья к свободе от чего? От Бога, конечно. То есть от бытия.

Прощание в Землей. Когда оно начинается? Не с первого ли вдоха? Не с первых ли взглядований в водную рябь, в шелестящее сено стогов, в рассветную нежность розово-белых солнечных нитей? Не с первого ли тумана в глазах, заволакиваемых обидой и болью?..

Но как странно прощаться с Землей тому, кто здесь чужак, кто послан сюда с миссией, кто втайне подсматривал за всем, забыв однажды, откуда он, от кого и зачем. В полных сумерках духа бродяжит он по остаточным дорогам, замирая в тупиковых оконечьях улочек и тропинок, не ведущих никуда. Всё здесь заканчивается тупиками и неизбежностью возвратов. Как тяжело ему прощаться с тем, чего он так и не смог познать, что он, пыгавшийся увидеть всё, рассеянно пропустил, что присутствует в одном только бесценном и незабвенном, но давно позабытом Нигде его утраченной родины.

Содержание

В Изборске ночь

«Не может быть, чтоб был один лишь сон...».....	6
«Ах, чистая ясноголубь!..».....	6
«Относительно реальный пшеничный дуг...».....	7
«Когда бы отмечать день Незнания!..».....	7
«Мне не довелось жить в Дуинском замке...».....	8
«Есть ли кто-то из нас, кто не смертельно болен?...».....	8
«Какое благо – заблуждаться...».....	9
«Куда мы уходим, куда?...».....	9
«Деревушка, в которой я живу...».....	10
«Ни слова в простоте...».....	10
Играя на цитре.....	11
«К небесам ухожу, к небесам...».....	12
Сутра.....	12
«Нет, не стану уже я никем...».....	13
«Что истина? Танцующий Господь...».....	13
«Здравствуй, просветленная собака!..».....	14
«Когда я закрываю своё внешнее делание...».....	14
Не в сон мы входим, входит в нас Не-сон.....	15
«Как сеятель на полотне Милле...».....	15
«О да, мы можем только то, что можем...».....	16
«Далью я стану для опосля...».....	17
Пятое время года.....	18
«Позади нашего мира...».....	18
«Я принял вызов: я рождаюсь...».....	19
«Вполне откровенным быть...».....	19
«Лишь отвращаться от земли?...».....	20
«Попробуй пропустить свое рождение...».....	20
«Когда я ухожу...».....	21
«Человечеством накоплено много чего...».....	21
В Покровском монастыре.....	22
Речь.....	23
Храм на Нерли.....	24
«Далёко ли, близко ли, но жало флейты...».....	24
Сон.....	25
«Необъятное небо есть не везде...».....	26
«Я в баньке деревенской...».....	26
«Высотами пылит тоска ...».....	27
«За что цепляется наш дух?...».....	27
«Вот идет моя жизнь как восстанье...».....	28
«Если этот кустик не священен...».....	28
«Кто жил, в ничто не обратится...».....	30
«И мы по опустевшему паркету...».....	31

«Гения возраст в том, что он гений...»	32
«Только одно не имело сомнения...»	32
«Не посещайте художника после кончины...»	33
«Стихи не пишутся – случаются...»	33
«Нас мало, нас может быть четверо...»	34
«Выхожу один я из барака...»	35
«Есть ли тот, кто этой дачи спящей...»	36
«И забуду я всё – вспомню только вот эти...»	36
Сто путей назад...	37
«Сплетенье слов, характеров и снов...»	38
«Чуть нищая Абхазия укрыла ...»	39
«Колхида! Сгинула почти...»	39
«Когда б ты морем был...»	40
«Вставая поутру у края моря...»	40
«Что упоение словами...»	41
«Между спасибо и протестом...»	41
«То-то-то- То-ледо...»	42
«Поговорить бы с тем, у кого нет слов...»	42
«Но кто он, из глубин хранящий твою смерть?...»	43
«О, беспокойство тайных недр озерных...»	43
«Суть неба начинается тобой...»	44
«Кто вносит натиск наш в наличный мир!...»	44
«В чем суть игры иконы?...»	44
«И где сигнатуры заканчивается ход...»	45
«Шрапнель сознания...»	45
«Ничто всезаслоняет нашу точку...»	46
«Уйти, уехать, исчезнуть!...»	46
«Когда себя в другом ты узнаешь...»	47
«Вот умирает человек...»	47
«Но как выглядит знание?...»	48
«Кто прожил здесь трухой...»	48
«Жизнь незаметно уходит сама...»	48
«Не соприкоснулись...»	49
«Всё есть душа...»	49
«Предположим, ты выбрал считать...»	50
«В поэзии конечно что-то есть...»	51
«Когда боль тела загоняет в угол...»	52
«Непостижимо то, что было...»	52
Из сердитой емэйл-почты	53
«Захват мира произошел...»	53
Что?	54
В деревне Копанцево с книжечкой Арто	55
«Этот человек знает ответы на все вопросы...»	59
«Пока не умер ты...»	59
«Время входит в нас разом...»	59
«О лицемерие старенья!...»	60

«О облако, погасшее в окне...»	60
«Всё уже сказано...»	61
«Пока слова не станут редкостью...»	61
Цветы	62
«Нас превращают в слово...»	62
«Я упустил тот след...»	63
«О умиранья час!...»	63
Старость	64
«Быть незнающим уже непозволительно...»	64
«Мы станем прахом и камнем...»	65
«И в самом маленьком леске...»	65
«Когда кончается во мне...»	66
«О бог молчания!...»	66
«Когда нам нечего о вечности сказать...»	67
«О Пскова, о Пскова, о Пскова!...»	67
«В никогда и в нигде...»	68
«Опять Париж приснился несравненный...»	68
«О, молнии молниной...»	69
«Что музыка ворочает в тебе?...»	69
«Мельканье образов у теневой черты...»	70
«Эпоха лжи, не слез...»	70
«Как передать непередаваемое?...»	71
«Так давно уже не пишут...»	71
«Кто пищу ищет у пространства аонид...»	72
Око	72
Место, где мы правы	73
«Не смрадно слово, не стоусто...»	74
«Исток нас бережет и хоронит...»	74
«Ты, свидетель психотары...»	75
«Кто чует корень, болтовней не изойдет...»	75
«Конечно, надо говорить с пространством...»	76
«Душа, быть может, и коснулась...»	76
В зоне «Часослова»	77
«К кому ты обращаешься, к кому?...»	77
«Сознание ради сознания...»	78
«Священно неприметное жилище...»	79
«То шамканье, то боль от удилов...»	79
«Я знаю: смерть природное явление...»	80
«Европейские поэты...»	80
«Такой туман в груди у человека...»	81
«Александр Сергеевич жил внимательно...»	81
«Какая легкость опускания поводьев...»	82
«Я вижу облака...»	82
«Моча священного оленя...»	83
«Пейзаж, конечно, умирает...»	83
«В чем самоубийство?...»	84

«Тьма слов и тоненький просвет...».....	85
«Жизнь проста; как легко умереть...».....	85
«Публика любит странных...».....	86
«Что мир? Душа...».....	86
«Человек есть чистая форма...».....	86
«Где гремят фейерверков орудия...».....	87
За книгой современника.....	87
«Инобытие в нас струится подобно тяге...».....	88
«Есть только страсть...».....	88
«Сознание может быть химера...».....	88
«Мы столь удаленные судьбы с тобою...».....	89
«Исчезновение – это движение по струнам сути...».....	90
«Их сколько прошло...».....	90
«Ты в мир пришел...».....	91
«Ничего, что еще не ясны мы себе до конца...».....	91
«Истлевающие люди не пишут стихов...».....	91
«В публичнейший день...».....	92
«Человек - промах Бога?...».....	92
«Неслыханная тишина великих одиночеств...».....	93
«Мир - в маске...».....	93
«Источник зла почти непостижим...».....	94
«Кто может жить в плебейском мире homo?...».....	94
«Когда из горы несказанности...».....	94
«О, только бы не умереть...».....	95
«Растущее растёт...».....	95
«Спасибо, Господи, за этот день...».....	95
«Загадочная русская душа?...».....	96
«В нас ангел есть и фурия...».....	96
«Что значит - мудро жить?...».....	97
Осень.....	97
«Есть это тихое, суровое почти...».....	98
«В нас есть всё то, что боги бормотали...».....	98
«Есть лица, что сияют безпричинно...».....	99
«Когда из ниоткуда вдруг, из ночи...».....	99
«Всё уже было...».....	100
«Порой мне кажется, что тамплиеры были...».....	100
«Всё бред, всё только бред...».....	101
«Осмелся даже распилить кого-то...».....	101
«Что истина? Мерцание рассвета?...».....	102
«Суть истины всего лишь росный луг...».....	102
«Свечение осенних роц...».....	103
«Есть нечто, что - не красота...».....	104
«Ты играла, всегда всегда лишь играла...».....	104
«Благодарю, Господь, за простоту...».....	105
«Мощь, с которой нас втягивает водоворот...».....	106
«Не тварь я только...».....	106

Рано умерший.....	107
«И в рифму вновь съезжаю словно в грех...».....	107
«Печалью русских городов...».....	109
«Какая вам печаль, когда я весь как сон...».....	110
«Когда я был, то я наверно не был...».....	110
«Блуждая взором по ковру...».....	111
«Слова перебирать как вещи...».....	112
«Я сам себе пожалуй снюсь...».....	113
«Даль далека, а близь близка...».....	114
«Перетереть всю цивилизацию...».....	115
«Во мне есть что-то, что похоже на программу...».....	115
«Поэт еще отражается в зеркалах...».....	116
«Мистическая почва слова...».....	116
«Есть <i>кра</i> и <i>шраман</i> - две души...».....	117
«Вертикаль никогда не ускользает...».....	118
«Когда меня настигнет просветление...».....	119
Комментарии к боли.....	120
«Я ухожу, останусь, я не буду...».....	121
«Ну почему непременно надо идти до конца...».....	122
«Я потихоньку раздаю картины...».....	123
«И все-таки без музыки хана...».....	124
«Вот тебе - пиши; какой простор!..».....	125
«Откуда эта ночь и звезды...».....	125
С кем?.....	126
Лабиринт.....	127
Аскезис.....	128

Утраченные заветы

Абхазские заметки.....	130
Из старой записной книжки.....	166

Николай Федорович Болдырев
В Изборске ночь
Стихи и дневниковая проза

Набор, вёрстка, обложка, фото – Евгений Дымов
Корректор Елена Северская
Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Свёрстано 29.12.2018
Контактный e-mail: nade5@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика в
типографии ООО ПКФ «Гираж Сервис»
Гиперборейск, Энтузиастов, 19